

91(14)
БЗ2

АПН
БИБЛИОТЕЧКА
АРМ

Жанка Крас- нотх 2003- дик

Владимир
ЕРМАКОВ

ОЧЕРКИ
И РЕПОРТАЖИ
ИЗ
ИТАЛИИ

Издательство Агентства печати Новости

Владимир ЕРМАКОВ

Жанка КОС- /НОВ/ ГВОЗ- ДИК

ОЧЕРКИ
И РЕПОРТАЖИ
ИЗ
ИТАЛИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АГЕНТСТВА ПЕЧАТИ
НОВОСТИ
МОСКВА, 1979

© Издательство Агентства печати Новости, 1979

10303

0905000000

Предисловие

Когда собираешься в путешествие по стране, в которой не был, то оно, это путешествие, и те впечатления, которые от него получишь, зависят в основном от тебя самого. Когда собираешься попутешествовать, не выходя, так сказать, из стен своего дома, взяв в руки книжку, то такой вояж зависит целиком от ее автора. Куда он поведет, туда и пойдешь, о чем расскажет, то и узнаешь, что будет утверждать, тому и должен верить... Если журналист говорит о стране очень далекой или новой, о которой до него не писали или писали очень мало, то можно смело сказать, что ему очень повезло. Новизна — это уж точно, если не половина, то весомая часть интереса, который читатели проявят к только что вышедшему труду. Если страна изъезжена, что называется, вдоль и поперек и писалось о ней много, то нелегко приходится журналисту, ибо интерес читателя заметно притупляется от повторения давно известных истин, даже в том случае, когда о них ведут рассказ «другими словами».

Помню, как очень переживал, приехав на Апеннины собственным корреспондентом «Известий», что о «вечном городе» и об Италии уж

очень много написали до меня, особенно Стендаль и Гоголь. Но при ближайшем столкновении с реалиями журналистского житья-бытья оказалось, что классики мне не «конкуренты». И Италия стала другой и Рим тоже. Это, разумеется, шутка, но, как во всякой шутке, есть в ней и зерно истины. Об Италии написано очень много и очень интересно. И, наверное, был бы сизифовым труд журналиста, если взялся бы он вновь открывать Колизей, говорить о дворцах Венеции или шедеврах флорентийских картинных галерей Уффици и Питти...

Последняя книга журналиста-международника Владимира Ермакова «Охалка красных гвоздик» прекрасна тем, что тема, которую он выбрал, пока не нашла достаточно полного освещения. Это — тема «красной» Италии, то есть тех областей средиземноморской страны, где у власти в местных органах самоуправления стоят коммунисты и их союзники.

Я говорю о **последней** книге Владимира Ермакова, потому что она действительно последняя. Больше не будет. Мой друг журналист безвременно ушел из жизни, оставив незаконченным этот труд, который готовил к печати его сын Никита, пошедший по стопам отца.

Это предисловие — мой скромный долг перед покойным, с кем я вместе работал на Апеннинах более десяти лет и не раз составлял компанию в тех путешествиях, которые он предлагает в своей книге.

Владимир Ермаков не только великолепно знал страну, в которой много лет проработал собственным корреспондентом «Правды», ее настоящее и прошлое, но и умел смело заглянуть в будущее. Кстати, когда я упоминал о картинных галереях Флоренции, говоря, что нет смысла

браться за их новое открытие, я уже прочитал главу книги о наводнении, которое обрушилось на этот сказочный город ноябрьской ночью 1966 года. В тот год мы вместе месили грязь, которая покрыла древние флорентийские площади, улицы и переулки, вместе стояли перед зданием Национальной библиотеки, из подвалов которой вытаскивали древние и уже безвозвратно потерянные для будущего книги, рукописи, молитвенники. «Во Флоренции я видел трагедию народа, — писал Владимир Ермаков в своей книге, — вызванную не только стихийным бедствием, но и бездумьем, безразличием центральных властей. Я видел горе и трагедию, но не отчаяние и не панику. Город похоронил своих мертвых. Город перестал плакать. Город работает. Он научился видеть истинных друзей. Он понимает, что нужно действовать вместе, плечом к плечу — коммунистам и католикам, социалистам и беспартийным. Политика коммунистической партии, которая зовет к единству, стала единственно возможной, единственно приемлемой...» Этой мыслью, этой идеей проникнута вся книга Владимира Ермакова, о чем бы он ни писал: о городах или людях, о традициях или новых веяниях.

Да, Владимир Ермаков до мельчайших подробностей знал Италию, ее народ и его язык. Он работал в Италии, повторяю, собкором по многу лет и приезжал сюда в короткие командировки с удостоверением политического обозревателя Агентства печати Новости. Но можно до мелочей знать страну, ее историю, древнюю и настоящую, ее памятники и дворцы, произведения искусства и литературы и не увидеть в то же время главного — чем живут, что думают и на что надеются люди. А с людьми нужно уметь

найти общий язык, чтобы они раскрылись перед тобой, сбросили вежливо-холодную маску обычного гостеприимства, которым итальянцы умеют одаривать многочисленных туристов, бесконечным потоком приезжающих во все времена года в Италию, и открыли бы истинное свое лицо и душу. Мне кажется, талантом контактности, умением расположить к себе собеседников, то бишь основным, если не самым главным оружием журналиста, Владимир Ермаков владел в полной мере. Да и сам он говорил не раз, что его книга, которая писалась долго, — не субъективный анализ событий, не односторонний взгляд на те или иные явления, а симбиоз встреч и разговоров с людьми разных политических взглядов, профессий, имущественного ценза, возрастов и религиозных убеждений. Автор книги не обходил острых углов, не боялся сталкивать диаметрально противоположные взгляды и от этого книга получилась живой, человеческой, объективной. Отдельные люди, их жизнь, мысли и поступки — это, согласитесь, в конечном итоге, зеркало всего общества в целом.

Перед читателями пройдет целая галерея самых разнообразных персонажей, парадоксальных и героических человеческих судеб. И это прежде всего итальянские коммунисты — совесть и надежда нации, как называет их Владимир Ермаков. Это и Бруно Пеппи — исполнитель, коммунист, который вошел в кооператив и считает, что будущее Италии принадлежит кооперативам и социализму. Это и «девушка с малахитовыми глазами», потомственная «графинюшка» Сандра, которая порвала со своим старинным родом, чтобы начать борьбу за новую Италию уже «по ту сторону баррикад». Это и бывший мэр городка Поджибонси Илио Паолетти, создавший

вместе со своими друзьями коммунистами промышленные предприятия, где и рабочие — коммунисты и директор — тоже коммунист. И еще много интересных встреч. С коммунистами и некоммунистами, с городами и деревнями, с прекрасным и невежественным, с прогрессивным и отсталым.

Конечно, жизнь не стоит на месте. Поэтому некоторые положения книги, в которую включены очерки и репортажи, написанные в конце 60-х — начале 70-х годов, имеют на сегодняшний день уже историческое значение. Тем не менее, прочитав эту книгу, вы почувствуете, что ее автор не был сторонним наблюдателем событий на Апеннинах, а жил тревогами, заботами и радостями этой страны. На страницы книги Владимир Ермаков бросил вместе с охапкой красных гвоздик охапку тех чувств и впечатлений, которые не всегда находили место в печатавшихся на страницах газеты очерках и корреспонденциях. Кстати, автор книги в бытность свою корреспондентом «Правды» в Италии был очень щедр на очерки и корреспонденции, но скуп на книги, ибо считал, что фундаментальный труд не может родиться из газетных и журнальных статей, хотя предъявлял к ним он очень высокие требования. Именно поэтому и вошли они в золотой фонд советской журналистики.

Утверждают, что лучше один раз увидеть, чем десять раз прочитать. Может быть, это и так. Но если нет возможности увидеть Италию, так сказать, воочию, то книга Владимира Ермакова поможет понять эту страну во всех ее сложностях, включая и сегодняшние дни. Ибо будущее рождается из настоящего. А настоящее не может существовать без прошлого. А если дове-

дется увидеть древнюю апеннинскую землю, то книга тоже поможет. Поможет разобраться в очень сложных процессах, которые не стали проще и после выхода книги в свет.

*Леонид КОЛОСОВ,
лауреат премии Союза
журналистов СССР*

ОХАПКА КРАСНЫХ ГВОЗДИК

Все было совсем не так, как хотел министр. Неожиданно — с ним это никогда раньше не случилось — его укачало в машине. Пришлось останавливаться, пить подогретую минеральную воду для печеночников «Сан-Джемини», улыбаясь перепуганным секретарям.

«Завтра такое напишут в газетах, — подумал он. — Ах, как будет рад друг Франческо! Кому из этих он платит?»

Растягивая рот в улыбке, он снова оглядел секретарей. Еще утром Франческо клялся ему в вечной дружбе. Но он-то знал, чего стоят клятвы милого друга.

«Завтра побежит к кардиналам, а то и во дворец Маргерита: не пора ли отдохнуть нашему профессору? Он так измучился, служа родине и Европе...»

Их связывали тесные узы: почти одновременно они поднялись до вершины власти в Христианско-демократической партии, что означало и власть в государстве. Они шли рядом, ибо многое видели и понимали одинаково. И вот когда ничто, казалось, не могло остановить этот хорошо отлаженный тандем, дружбе пришел конец. А может быть, и не было никогда этой дружбы?

Министр давно стал чувствовать, как постепенно вокруг него образовывалась пустота, как умело подталкивали вперед его друга, ставшего соперником и врагом. Знал ли тогда министр, что через несколько лет ему придется работать под началом Франческо? Во всяком случае, ему доносили, будто в офисах миланских промышленных тузов Франческо — почти кумир...

Вокруг суетились тосканские христианско-демократические боссы — потабили. Министр приехал в Тоскану по их приглашению. Да и сам он отлично понимал, что пора двинуть в бой тяжелую артиллерию, даже сверхтяжелую, какой себя считал. На то у него были основания. Хитрый, умный, изворотливый, прошедший иезуитскую школу, он считался надеждой партии, ее будущим рулевым. А сейчас в этой провинции, опоре и крепости его влияния, все шло просто из рук вон плохо. Недавно на выборах провинциального партийного секретаря здесь провалили его ставленника и друга: накидали в урну черных шаров. Вот-вот потеряет он большинство в провинциальном комитете. Кто-то, такой же ловкий и везучий, осторожно дергал ниточки, перехватывая инициативу, меняя кадры, выдвигая других людей. Если знать бы, кто, что и за сколько его продает! Он подозревал, что за ним следят, и бесился, когда слышал, как подключается к его телефонной линии невидимый свидетель. Где окажутся потом протоколы его разговоров, записанных на пленку? У генерала карабинеров, начальника разведки или гораздо выше? Он-то знает, как все происходит. Не раз находил он на своем служебном столе аккуратную папку с грифом «совершенно секретно». А в папке — доносы агентов и тексты подслушанных бесед. Но тогда это касалось других, не

его. Со своими сотрудниками министр предпочитал беседовать в саду, но подальше от деревьев: черт его знает, где спрятаны микрофоны.

Министр очень боялся окончательно потерять провинцию. Он знал, что в его партии потерпевший поражение редко вызывал сочувствие.

На минуту министра оставили в покое. Сколько от Рима: километров двести пятьдесят? Случалось, он проезжал этой дорогой два-три раза в неделю. И даже чаще. Но почти никогда не пользовался знаменитой автострадой «Солнце». Министр часто по долгу службы возил именитых иностранных гостей смотреть это великолепное сооружение итальянского строительного гения. «Так теперь Италия продолжает и множит традиции Возрождения. Наша автострада, ее мосты, виадукы, станции обслуживания — чем не современный Сан Пьетро или Дворец дожей?» — говаривал он гостям. А сам предпочитал старую, добрую Кассию, неторопливо разрезавшую тосканскую землю, где он родился и вырос. Срезанные временем и человеком холмы. Старые церковки у дороги. Шумные остерии, где обильно лилось красное вино. Резкие прямые линии виноградников. Пластик и алюминий новых фабрик. И люди, главное люди, эти тосканцы, которых один местный писатель назвал «распроклятыми», ибо всегда они ищут, словно Леонардо, не соглашаются, как Галилей, и, подобно Макиавелли, отстаивают интересы всей Италии, навлекая на себя злобу невежд и непосвященных.

Министр, увы, давно перестал искать, слишком часто привык соглашаться, и злобу противников вызывала не столько его забота об интересах Италии, сколько неумное честолюбие, хитрый изворотливый ум.

— Где остановится профессор? — спрашивали и его друзья, и враги. Пожалуй, и сам он не смог бы ответить на этот вопрос...

Он пытался взять себя в руки. Вспомнил запах стружек в мастерской мебельщика из Арца: там делают такую имитацию старинных сервантов и кресел, что даже специалисты ошибаются. Или этого старика-художника, что изобретал картины несуществующего средневекового живописца. Удивительно, но нью-йоркский музей купил эти полотна, приняв их за подлинники.

«Вот бы сейчас стакан кьянти да овечьего сыра», — подумал министр.

Тоскливое настроение не проходило. Он уже не различал отдельных голосов.

— Ваше превосходительство, пора! — взяв под локоток и поднимая его из кресла, шептал почтительный господин. Министр поморщился: опять «превосходительство». Ведь много лет назад он сам голосовал за декрет, отменяющий титулы. И все равно от этого обращения стало приятно и тепло. Он освободил локоть от ласкового пожатия, одернул пиджак, погасил сигарету.

— Пора, так пора, — почти крикнул он. Голова кружилась, но к схватке он был готов. Министр был старым политическим бойцом, и настроение никогда не мешало ему сосредоточиться, держать на языке давно придуманное острое слово, которое звучало бы импровизацией, а в памяти — цитаты, цифры, бесчисленные факты. «Волк или лиса?» — гадали его партийные противники.

Без стука закрылась дверца машины, маленькой и не очень удобной. На министерском темно-синем лимузине к трибуне подъезжать было неловко, хотя один его приятель цинично утверж-

дал: «Разве поверят бедняки, что ты поможешь им жить, если ты сам, будучи министром, не устроил свои личные дела и едешь на малоли-тражке?»

Трибуна стояла наискосок от собора, украшенного фресками Пьеро делла Франческа. Задрапированная в зелено-бело-красные полотнища национального флага с крестом христианско-демократической эмблемы посередине, трибуна на фоне строгого собора выглядела кокетливой модницей. Микрофоны выбрасывали в толпу привычные звуки «Белого цветка». Ох, как приятно в альпийском Тренто пел нанятый хор эту песню — неофициальный гимн партии. Тогда партийный съезд в Тренто стал почти его триумфом...

Здесь, на его родине, в Тоскане, «Белый цветок» не поют. Здесь любят другую песню. «Красное знамя, ты победишь! Красное знамя, ты победишь!» Министр поймал себя на том, что вдруг стал мысленно петь эту давно знакомую мелодию, которую слышал еще в детстве и к которой привык. Он никогда не грешил сентиментальностью, но умел, если представлялось необходимым, отлично играть на этом чувстве. Просто он ощутил всеми порами, что надвигается такой момент, когда надо вспомнить все, взять себя в руки, не забывать о действительности.

Действительность рвалась на площадь не только яркими магазинными вывесками, автомобильными гудками да весенним ветром, нагловтавшимся в Апеннинских горах талого снега и аромата первой травы. Еще в городских предместьях министр увидел за широкой спиной секретаря, нарочно заслонявшего окно автомобиля, не слишком гостеприимные лозунги, намазанные

жирной черной краской на стенах мастерских и заводов. Полицейские в штатском замалевывали их, но буквы не хотели исчезать: они снова проступали через толстый слой такой же черной краски.

— Надо дать распоряжение, чтобы занялись химическим анализом. Коммунисты изобрели что-то новое для лозунгов, — бормотал секретарь.

Около площади — серо-зеленые фигуры. Стальные шлемы. Толстые ботинки, белые гетры. В сумках через плечо бомбы со слезоточивым газом. На углу радиоустановка и пожарный брандспойт. Министр неожиданно пришел в ярость. Он не выносил эти полицейские кордоны, выставленные для охраны его персоны.

«Хотят показать, что меня ненавидят, что побьют камнями, — подумал он. — Эх, друг Франческо!»

Легко взбежал на трибуну, обнимая толпу распахнутыми руками. Улыбка приклеилась к лицу. Он раскланивался, перевешивался через перила трибуны, чтобы пожать чью-то руку, оживленно переговаривался с теми, кто поднялся сюда вместе с ним. Площадь, увы, запружена народом не была. Более того, для митинга с участием министра людей маловато.

Председатель митинга, зажав в кулак микрофон, торжественно сообщил слушателям о том, как он сам, как все жители города любят «его превосходительство» и какая честь для них, что «его превосходительство» прибыл сюда и согласился выступить. Эти слова совсем обозлили министра. Не то, чтобы он отвергал объяснения в преданности и любви. Иногда ему нравилось слушать эти объяснения. Они были и утешением, и бальзамом, разгонявшим все чаще

появляющуюся у него неуверенность в себе, в собственных силах, в правильности и достижимости намеченных целей. Но тут в любви и преданности клялся человек, который продавал его и ненавидел. Министр успокаивал себя:

«А ты? Ты сам разве не клялся врагам в дружбе?»

— Слово имеет distinguished министр...

Председатель митинга рявкнул имя так громко, что голуби испуганной стайей шарахнулись к колокольне собора. Снова включили «Белый цветок». Фигурки в серо-зеленом придвинулись к трибуне.

Он подошел к микрофону. Опустил его, подлаживая под свой рост. Раскрыл бумажки, в которые обычно не заглядывал, и вдруг наметанным взором увидел, что толпа зашевелилась, дрогнула, стала растекаться. Расталкивая слушателей, к трибуне приближалась группа людей. Серо-зеленые фигурки со всех концов заспешили к ним. А люди шли спокойно и деловито. Он заметил, как мелькнуло красное знамя. «Красное знамя, ты победишь!» — услышал он слова песни. Взвизгнула сирена. Серо-зеленые задвигались еще быстрее. Они уже почти перерезали путь тем, кто шел к трибуне.

«Сейчас что-то произойдет, — подумал министр и поднял руку, останавливая полицейских. — Крови допустить нельзя, ни под каким видом».

А первый из группы был совсем рядом. То, что издали казалось знаменем, вблизи оказалось цветами. Человек — седой, высокий, чуть сгорбленный — нес охапку красных гвоздик. Длинные стебли били по коленям, и махровые головки покачивались в такт движению. Продираясь сквозь первые ряды, он поднял охапку

над головой. И тогда министр заметил две белые точки в красном букете.

— Господин министр, их тридцать в букете, — сказал человек. — Тридцать, как коммун в нашей провинции. Два белых цветка — ваши. Двадцать восемь красных — наши. Но мы дарим вам весь букет, надеясь, что на следующем митинге вашего превосходительства мы сможем поднести вам охапку только красных цветов.

Министр принял букет. Вытащил белую гвоздику и вставил в петлицу. Он понимал и ценил находчивость даже своих самых непримиримых политических противников. Он знал, что в «его» провинции и в самом деле двадцать восемь коммун управляются «красными» и только две «белыми», что за коммунистов голосует тут почти половина избирателей, если не больше. А площадь грохотала и улюлюкала. Аплодисменты, крики, хохот. Министр сунул букет секретарю и поднял руку, давая знать, что он, наконец, намерен говорить...

Что было потом? На всякий случай полиция задержала нескольких подозрительных, агенты сорвали несколько прокламаций, замазали пару лозунгов, содержащих непочтительные отзывы о правительстве и Соединенных Штатах. Но до поздней ночи в остериях городских окраин, в барах народных домов смеялись и спорили старики и юноши, стуча твердыми ладонями по столам, затягивая партизанскую «Катюшу». На следующий день правительственные газеты выразили сочувствие министру: надо же, какие невоспитанные коммунисты...

Самое главное произошло, однако, на очередных выборах: компартия одержала большую победу, снова шагнув вперед. И в букете стало 29 красных гвоздик.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ

Географы делят Италию на Северную, Центральную и Южную, включающую острова Сицилию и Сардинию. Экономисты режут ее пополам, отделяя промышленно развитой Север от отсталого Юга. А политики видят Апеннинский сапог выкрашенным в белый и красный цвета: «белая» Италия — та, где большинство принадлежит христианским демократам, а «красная» Италия — оплот левого демократического движения, где огромно влияние коммунистов, где представители ИКП избираются в парламент, управляют муниципалитетами, областными и провинциальными советами.

Еще три-четыре года назад красным цветом были выкрашены лишь три центральные области Италии — Тоскана, Эмилия-Романья и маленькая Умбрия. Там ИКП имела подавляющее большинство на протяжении всех послевоенных десятилетий. После выборов последних лет, всеобщих и местных, резко выросло по всей стране число идущих за коммунистами, и красным закрашены теперь многие другие, доселе белые области Италии. Коммунисты управляют крупнейшими городами страны и даже «вечным городом» Римом, бывшим еще не так давно, казалось бы, надежным оплотом Христианско-демократической партии (ХДП). И все же Тоскана и Эмилия остаются сердцем «красной» Италии, ее душой. Здесь издавна за партией идет большинство рабочего класса и крестьянства, здесь коммунисты бессменно являются мэрами сотен больших и маленьких городов и возглавляют кафедры всемирно известных университетов, здесь созданы кооперативы, работающие на ос-

нове устава сельскохозяйственной артели, члены которых изучают «Поднятую целину», чтобы понять, как сообща строить на селе новую жизнь. Здесь есть и заводы, не имеющие хозяев, и хозяева с коммунистическим партбилетом в кармане.

Революционные силы «красной» Италии закалены в бесчисленных и непрекращающихся классовых битвах, ибо капитал не уступает ни в чем без яростной схватки. Они ищут новые формы работы, осуществляют широкие контакты с массами, потому что останавливаться в этой битве, переводить дыхание нельзя.

«Красная» Италия идет вперед.

ОТКРЫТОЕ СЕРДЦЕ СИЕНЫ

Пьяцца дель Кампо — центральная площадь Сиены — похожа на перевернутую створку раковины. Девять расходящихся из одной точки треугольников, вымощенные разными камнями, девять въездов на площадь — в честь девяти членов правительства достопамятной сиенской республики, правивших ею почти шесть веков назад, когда жителей тут было больше, чем в тог-
дашнем Париже, и уже строились четырехэтажные дворцы. С тех давних времен сохранилось почти все, как было: фрески Симоне Мартини и Амброджо Лоренцетти в залах муниципального дворца, росписи Пинтуриккьо и картины Дуччо Бонинсеня, узкие улицы-щели с мраморными ступенями, истертыми ногами поколений, дома из красного кирпича с элегантными арками и стрельчатыми окнами, разделенными маленькими колоннами, язык, каким говорил Данте, в

устах народа. В черте города строить новые здания запрещено, и поэтому он сохраняет неповторимый облик прошлого, шагнувшего к нам через века, возвращая мысли наши к мудрым и благородным людям, которые сотворили этот чудо-город. Только кафедральный собор, облицованный перемежающимися полосами черного и белого мрамора, достраивать можно: за семьсот лет не успели.

Над воротами Камоллия, через которые тянется дорога на север — во Флоренцию, Болонью, Милан, — высечены слова: «Еще шире, чем эти ворота, распахивает тебе Сиена свое сердце»...

Был тот самый час,

«...когда томят печали
Отпльвших вдаль и нежит мысль о том,
Как милые их утром провожали,
А новый странник на пути своем
Пронзен любовью, дальний звон внимая,
Подобный плачу над умершим днем...»

Меня привел сюда сенатор Монтези, учитель, ставший после войны профессиональным политиком. Умный, образованный, тонкий, он имеет большое влияние на интеллигенцию города, даже ту, которая далека от коммунистов. Он сочетает в себе гибкость и лукавность флорентийца со сдержанной страстностью истинного сненца.

— Недаром открывает Сиена свое сердце путнику, который стучится в ее ворота. Ты почувствуешь, как и твое сердце откроется навстречу этому городу.

Мы долго бродили по рано пустеющим улицам. Вверх, вниз, вверх, вниз. Я спросил:

— Что ты больше всего любишь в своем городе?

— Его живость. Как писал Бернар Беренсон,

знаменитый исследователь итальянского Возрождения: Сиена напоминает мне живое существо — с головой, сердцем, артериями, лапами...

В Сиене нет ничего печального и мрачного. Строгость ее улиц нигде не переходит в суровость. Красный цвет ее кирпичных стен от времени стал глубже, и старые дома на пьяцца дель Кампо наполняют эту площадь золотистым сиянием, светом летнего вечера.

Свой средневековый облик она сохранила лучше других итальянских городов. Сиена не мертвый город, живущий лишь воспоминаниями о прошлом величии, хотя прошлое неразрывно вплетается в ткань сегодняшнего бытия. Профессор-историк Сиенского университета рассказывал мне о битве под Монтеаперти (1260 год), когда жители города разгромили 30-тысячное войско флорентийских наемников и отстояли свою самостоятельность, так, будто это случилось не семьсот лет назад, а вчера или позавчера. Салимбене Салимбени, отдавший все, чем он владел, защитникам города, становился в его рассказе героем сегодняшнего дня. «Современное здесь не враждебно прошлому, и жизнь в прошлом так легка, так естественна здесь, так полна всем цветом настоящей жизни», — отмечал великолепный русский искусствовед и журналист Павел Муратов. Бушуют тут современные политические и иные страсти, жизнь, полнокровная, бурная, вырывается на лабиринт улиц, на древние площади; и никогда не возникает ощущение, будто перед тобою город-анахронизм, где остановилось время, где существовать положено только музеям, мраморам дворцов и церквей, башне Манджа, розовой свечой поднимающейся над пьяцца дель Кампо, да палио...

О, это палио — скачки на неоседланных лошадях вокруг центральной площади пьяцца дель Кампо, дважды в год сводящие в бешеном состязании наездников 17 сиенских контрад — средневековых районов города (я до безобразия болею за контраду «Дикобраза», а мой сын — за ее традиционного соперника — «Волчицу»). Историки утверждают, будто придумали палио флорентийские государственные мужи после того, как окончательно подчинили себе непокорных сиенцев. «Пусть их энергия, воинственность, хитрость, любовь к дипломатическим интригам расходуются на скачках, а не в политике», — сообщают старинные хроники; короче, палио стало клапаном, снижавшим слишком высокое политическое давление.

Ну, а сейчас? Сейчас, потеряв, конечно, свой первоначальный смысл, эти великолепные, красочные состязания остались самой большой спортивной и иногда человеческой страстью почти всех жителей города. 2 июля и 17 августа происходят скачки. А подготовка к ним — весь год. Контрады и приоры — их главы — подбирают лошадей, нанимают наездников. Яркие древние знамена делают город праздничным и нарядным. В канун скачек, по традиции, лошадей вводят в церкви кварталов. Слыханное ли дело, возмущаются римские святоши, — лошадь и к алтарю! Приходские священники Сиены мыслят по-другому, отпуская четвероногим их грехи. Правда, одного из сиенских пастырей все же лишили сана: вместо того, чтобы отпевать усопшего прихожанина, он произнес анафему контраде, из которой покойник происходил.

Гремят оркестры. Всадники в пестрых старинных одеждах скачут вдоль улиц. Глашатаи объявляют участников состязаний. На главных пло-

щадах контрад — коллективные ужины, где кьянти льется рекой, речи становятся горячими, языки несдержанными. Может показаться, что в этот момент притупляются и политические контрасты, столь острые тут. Главное-де не то, с какой ты партией. Главное, из какой ты контрады...

Ночью перед скачками наездников не оставляют одних: вдруг подкупят соперники. Заключаются тайные межквартальные союзы. Договариваются о тактике и совместных действиях. Все-таки флорентийцы были правы: чем не дипломатия?

Утром в день скачек пьядца дель Кампо — гигантский зрительный зал. Из окон дворцов, окружающих площадь, выброшены дорогие гобелены. Трибуны возле домов и густая толпа в центре. Оставлен только коридор для скачек и парада. Серебряные трубы. Старинные костюмы — у каждой контрады свои — из бархата и парчи. Взлетающие в воздух флаги, которыми играют, словно булавой, тамбурмажоры — специально обученные этому искусству знаменосцы. Гарцуют закованные в латы рыцари. Огромные серые быки тянут телегу — «кароччо» — на больших деревянных колесах; на телеге — приз победителю: скромная черно-белая хоругвь с вышитым ликом мадонны.

Потом — скачки. Наездники в мотоциклетных шлемах и кедах хлещут лошадей и соперников — это дозволено правилами — плетками из буйволовых жил. Многие лошади падают на крутых поворотах, скользя по брусчатке мостовой. Кровь, рев возбужденной толпы, сирены санитарных машин. Падают наездники, а лошади продолжают бег. Главное, чтобы первой пришла лошадь, даже без седока.

Кончается палио, и город постепенно возвращается к своей будничной жизни. Только несколько дней подряд празднует контрада-победительница...

Удивительная форма сиенской городской жизни эти контрады, доставшиеся в наследство от XIV века — эпохи широких муниципальных свобод. Много веков назад распри между контрадами ослабили единство города перед сплоченной Флоренцией. «Волчица» была поглощена соперничеством с «Дикобразом», «Черепаша» плела интриги против «Улитки», а «Волна» — против «Башни». В решающий момент они не смогли договориться, чтобы совместно дать отпор войскам, выступавшим под лиловыми стягами с красной флорентийской лилией или под знаменами, купленными на золото флорентийских банкиров. И если жители Флоренции делились на корпорации и цехи, то жители Сиены — на контрады.

— До сих пор это неизлечимая болезнь, — рассказывала мне маркиза К. — Она во мне с детства. Мне не раз казалось, что умственно я давно преодолела в себе страсти контрад и палио. Но едва услышав, что скачет «Волчица», я теряю над собой контроль и все начинается сначала. Эта болезнь сильнее меня.

Но заговори о Сиене с любым итальянцем, и он вспомнит не только о ее истории, не только о великих художниках и строителях, создавших ее славу, и даже не о палио. Он вспомнит, либо с гордостью, либо со злобой, о том, что Сиена — центр самой «красной» провинции Италии, что именно тут почти 55 процентов избирателей отдают свои голоса коммунистической партии.

— Забыли бога мои прихожане, совсем забы-

ли. Ну, просто хоть ложись и помирай, — старик зябко кутается в потертую рясу, слезящимися глазами смотрит на огонь. Пахнет дымом, свиными сосисками и еще чем-то, что положено для поповского дома: базиликом, стеарином, мышами. «Перпетуа»*, сама похожая на мышь, осторожно наливает в рюмки сладенькое винцо. Дон Франческо давно отвык торопиться. Под этой крышей время для него почти остановилось и день кажется длинным, будто целая неделя.

— Вот уже и говорить много не могу. Сижу тут и жду смерти, — слова тяжелые и медленные. Очаг занимает всю стену. Высокие своды печи позволяют ставить кресло прямо у разведенного на камнях огня. Старик отхлебывает из рюмки «Лакрима Кристи» — «Слезу Христа». Но ни огонь, ни вино не греют кровь. Даже пламя веры, которое когда-то горело в его сердце, теперь почти погасло.

— Храм пустует, — снова говорит дон Франческо, — только двадцать человек приходят молиться. А живет в поселке полторы тысячи. Уж какая тут сытость, когда лепты нет. Забыли бога прихожане, ой, забыли...

И он снова надолго замолкает, зябко кутаясь в рясу и глядя на огонь.

— Наверное, закроем скоро ворота храмовы и будь что будет.

Я знаю, что живется старику действительно не сладко. У нас бы сказали — перебивается с хлеба на квас. Рассказывают о нем любопытную историю: будто однажды на выборах баллотировались два списка — коммунистов и христианских демократов. Когда вскрыли урны, то

---

* Так в Италии называют служанок духовных особ.

оказалось, что все избиратели на его участке называли в своих бюллетенях кандидата-коммуниста. В том числе сам дон Франческо. Было потом целое следствие. Наехали церковные власти. Старика вызвали к епископу, а он твердил одно:

— Я должен быть с теми душами, которые мне поручено пасти. Души же эти красные...

Сиена — провинция преимущественно сельскохозяйственная. Большинство ее населения — итальянцы и крестьяне. Аграрное производство занимает в ее экономическом балансе ведущее место. Наверное, многие слышали, что делают в Италии красное вино «кьянти». Провинция Сиена — его родина. Только здесь на бутылки с вином разрешено наклеивать этикетки с черным петухом. Это значит, что «кьянти» в этой бутылке самое настоящее. А мэром городка Кастелли-ин-Кьянти лет двадцать пять подряд был мой добрый и близкий друг товарищ Таттини.

— Ты спрашиваешь, почему Сиена самая красная провинция Италии? — говорит Фацио Фаббрини *, секретарь провинциальной федерации ИКП, член Центрального Комитета, бывший партизан, сын шахтера. Окна его небольшого кабинета выходят на молчаливую улицу, которую зима прикрыла серебристым светящимся туманом. — Мне кажется, причины этого многообразны. Сиенцы всегда были свободолюбивы. Разве в 1555 году не они долгие месяцы отбивали приступы испанских солдат, защищая независимость своего народа от императора Карла V? На своих зеленых знаменах вышили они

---

* Товарищ Ф. Фаббрини впоследствии стал мэром города, а затем был избран в парламент.

слова Данте: «Свободу я ищу, что так мне дорога». Я должен упомянуть также давние демократические и социалистические традиции Тосканы. Еще в двадцатых годах антифашистская борьба была у нас широкой и яростной. Сотни лучших людей Сиены ушли на каторгу, в изгнание. Когда пришло время воевать против фашистов и гитлеровцев, сиенцы не задумываясь отправились на войну. Партизанская борьба нашей провинции не была борьбой единиц. Самые широкие массы участвовали в ней. Но именно коммунисты возглавили битву с врагами. Они составляли костяк партизан, они объясняли, почему нужно идти против гитлеровцев, они были в центре самых ожесточенных схваток.

— Ты знаешь, — продолжает товарищ Фаббрини, — что провинция наша крестьянская. Земля принадлежит банкирам, помещикам, спекулянтам, дельцам. А они сдают ее в аренду, исполу крестьянам, собственной земли не имеющим. Недавно школьница из флорентийского лицея «Альфиери» обнаружила в церковных архивах первое соглашение об исполщине. Датировано оно 821 годом, когда царствовал Карл Великий. Его заключили между собой один священник и крестьянин с Монте Амиата, что в нашей провинции. Поп заявлял крестьянину: «Я даю тебе дом, участок земли на всю твою жизнь и половину урожая. Другую половину ты даешь мне». Практически эти отношения сохранялись почти до последнего времени... После войны мы, коммунисты, сумели правильно поставить вопрос о союзниках рабочего класса и в ходе ожесточенной борьбы с крупными землевладельцами за аграрную реформу привлечь на свою сторону исполщиков — самую многочисленную массу крестьянского населения Сиены. Я утверждаю,

что теперь исполщики окончательно стали на сторону коммунистов...

Слова товарища Фаббрини повторил мне и Бруно Пеппи, исполщик, коммунист, член исполкома муниципального совета (по-итальянски джунты) большой деревни Совичилле — около восьми тысяч жителей. Холмы, виноградники, оливковые рощи. Бруно Пеппи арендует 12 гектаров у крупнейшего табачного фабриканта Рима.

— Он же не один раз миллиардер, — возмущается Бруно. Возмущается даже его клюющий верхнюю губу горбатый тосканский нос. Мы сидим в длинной закопченной комнате, вымощенной каменными плитами. Тяжелые дубовые балки поддерживают потолок. Под навесом очага два-три низеньких стула. Пахнет старым деревом, винными бочками, золой. Кривым охотничьим ножом Бруно режет ветчину. Ломти несоленого хлеба, ветчина да стаканчик красного — вот и весь крестьянский обед.

— Когда очень холодно, мы прячемся под навесом печки, — говорит синьор Пеппи. — Я никогда не забуду, как здесь отогревали мы одного советского партизана. Он воевал с нашими ребятами высоко в горах и пришел к нам по делу. Его имя? Да кто помнит... Кажется, Витторио — Виктор. Давно это было...

Бруно уверяет, будто дом, в котором он живет, построен еще в двенадцатом веке, при Барбароссе, рыжем германском императоре. Во всяком случае, небольшая фаянсовая икона божьей матери, вмонтированная рядом с хозяйским гербом в стену дома, имеет дату: 1674 год. Сколько в Сиенской провинции таких домов? Ни на мгновение невозможно здесь оторваться от истории.

— Я даже жениться никак не успевал, — жалуется Бруно. — Все некогда. С утра до ночи в поле, а потом муниципалитет да партийная работа. Попробуй, поухаживай за девушками. Только начнешь, а ее уже уводят другие под венец. День у меня тяжелый. Конечно, не зимой. Сейчас только скот да птица. А летом и не говори. В четыре утра встаю, в полночь добираюсь до постели. Ну, работать бы на себя. А то 42 процента урожая отдаю хозяину, хорошо что теперь уже не половину. Хозяин у нас держит почти всю землю — 17 500 гектаров. Ты пони-маешь?

Мне нравится манера итальянских коммунистов говорить друг другу «ты» и говорить «ты» другим, не обязательно итальянским коммунистам. В Италии представляются так: «Товарищ?» — «Да, товарищ», и тогда уже никаких «вы». Бруно стал говорить мне «ты» через минуту после нашего знакомства.

— Тебя интересуют машины? Есть у нас трактор. Мы его с друзьями взяли в складчину: до сих пор выплачиваем. По очереди пользуемся им. В одиночку ныне хозяйство не потянешь. Даже если земля будет твоя, целиком твоя, без испольщины. Надо объединяться, создавать кооперативы. Тогда выдюжим в борьбе с нашим табачником...

Они уже создали маленький кооператив. Для проката машин, для производства колбас и ветчины. Лино Синьорини, председатель кооператива, ловко использовав имеющиеся законы, сумел купить землю у разорившихся хозяев.

— Купил. Вроде хозяином стал, а деться все равно некуда. — Стриженная ежиком круглая голова, седые прокуренные усы, он говорит, не вынимая изо рта трубку с вонючим табаком. —

Ну что мы с сыном и снохой нарабotaем? Тут нужны капиталы. А где их возьмешь? И вообще-то хозяйство висит у меня на шее. Лучше, чем испольщина, конечно, но все равно не поднять его в нынешних условиях ни одному человеку, ни одной семье. Правда, в кооперативе колбасу мы делаем отменную.

Он угощает меня этой колбасой, наперченной, острой, ароматной. Лино подливает в стакан красное вино, ругает власти, рассказывая, как трудно им, 140 семьям испольщиков и мелких землевладельцев, создавшим кооператив, получить кредиты у государства.

— Во-первых, почти все мы коммунисты. А, во-вторых, мы же объединение, кооператив. У нас же государство смотрит подозрительно на то, когда люди объединяются, да еще в деревне, да еще без попов, — рассказывает он.

Бруно Пепи тоже член этого кооператива. Молча кивает головой, меланхолически пожевывая колбасу. Он устал, а еще столько работы. Тяжело передвигая ноги — недавно прошел дождь и земля вязкая, — мы шагаем через поля, по краям которых свечками поднимаются черные кипарисы. Он рассказывает и рассказывает. Как впервые в его дом пришел коммунист, как снабжали они партизан, как участвовали в первой стачке, как шли на полицейские дубинки.

Я люблю слушать разговоры тосканских крестьян. Есть у них чувство большого крестьянского достоинства, достоинства людей, которые трудом своим кормят страну. О своих делах говорят они не торопясь, взвешивая слова. Так говорят о вещах больших и необходимых. Прав был Стендаль, когда полтора века назад писал: «Я вполне верю, что тосканские крестьяне являются наиболее своеобразной и одаренной частью

итальянского населения. Это, может быть, самые, сообразно условиям их жизни, цивилизованные люди на свете... **На моральной лестнице** их пришлось бы поместить гораздо выше буржуа...»

— Мы, Пеппи, вечные земледельцы. Родовой книги только не ведем. И я просто не знаю, сколько поколений моих предков ковыряли землю этих холмов. Лет, может, пятьсот, а то и больше. А иные богачи графами да баронами стали лет десять назад. Вот и считай, у кого же древней и почетней род?

Он беззвучно смеется, широко раскрывая рот. Его лицо становится похожим на маску Пульчинеллы. Туман среди дымчатых оливковых рощ становится гуще. Темнеет. Только край далеких гор обведен светлой краской. Сиена действительно открыла свое большое сердце. На обочине дороги мы расстаемся. Ему идти дальше в поле, а мой путь в Пизу.

ПО ТЕЛЕФОНУ ИЗ ПИЗЫ

Луна блестит, будто начищенная медаль. Арно течет широченной блестящей дорожкой. Торчат из воды балки моста Сольферино: взбесившаяся река смыла его в трагическую ноябрьскую ночь 1966 года. Набережные пустые и грустные. Ни огня, ни живой души. Пахнет водорослями. Такая тишина, что, кажется, слышишь шум далекого моря. А до него больше десятка километров. Пиза спит, и только на площади Чудес, там, где в вечном поклоне замерла башня из мраморных кружев, топчутся полуночники. Отсюда трудно уйти, я понимаю их. Другой такой пло-

щади в Италии нет. Даже венецианская площадь Сан-Марко и римская Навона не производят такого сильного, чистого и полного впечатления. Купол, каменная резьба собора, мраморная стена усыпальниц нарисованы на почном небе гениальной кистью. Лунный свет чуть желтит мрамор, делая его чуть прозрачным и похожим на слоновую кость. П. Муратов писал: «Пизанская площадь кажется созданной чудесно и внезапно за одну ночь — настолько непонятен нам теперь длительный прилив художественных сил, великой гордости и высшей энергии, пережитый когда-то пизанцами. Никакие исторические сведения не в состоянии так ярко изобразить расцвет Пизы, время ее военной славы и морского могущества, как эти памятники ее архитектуры XII века, и это прошлое смыто или покрыто илом приливавших и отливавших волн Средиземного моря».

А башня, как поют итальянские студенты, «клонится, клонится, но вечно стоит». В глубине, у фундамента день и ночь бдят точнейшие приборы, которые следят за любыми, даже минимальными ее колебаниями, за малейшим смещением почвы. Просто не верится, что может она однажды склониться слишком низко и упасть на зеленую лужайку у ее подножия. В Италии немало ученых, которые считают дни Пизанской башни. Они утверждают, будто творение Бонано обречено на гибель, если люди XX века не откроют рецепт ее спасения. «Достаточно сильного ветра, чтобы башня опрокинулась, — пишут они. — Даже в безветренную погоду может произойти несчастье: ведь ее фундамент покоится на болотистой почве...»

Лионелло Раффаелли, депутат-коммунист от Пизанского избирательного округа, говорит о

башне как о живом существе. «Ей нужно, она хочет, для нее необходимо...» Мы сидим за столом одной из комнат, которые занимает во дворце Монтечиторио коммунистическая группа палаты депутатов. Через улицу, в зале заседаний идут бурные прения, а сюда, сквозь двухметровые стены, не доносится даже городской шум.

— Наконец-то парламент ассигновал для башни 200 миллионов лир. Мы создали в Пизе специальную комиссию, которой поручено самым тщательным образом изучить причины оседания фундамента. Теперь объявили международный конкурс на лучший проект ее спасения. Но знаешь, сейчас беспокоит нас не только башня. На Пизу надвигается другая беда. Помнишь 4 ноября 1966 года, наводнение?

...В ту ночь Арно, захлестнув Флоренцию, обрушилась и на Пизу. Затопила окрестности, снесла мост, повредила дома, razорила тысячи семей. Там, где крутой изгиб реки, где особенно сильным был напор воды, набережная поползла. Называется эта набережная Пачинотти. Нет на ней ни модных лавок, ни отелей. Только три прекрасных дворца, среди которых палаццо алла Джорната, где теперь расположен ректорат Пизанского университета. Оползень остановили, используя новейшую строительную технику. Остановили, но только на год. Нынче снова начала ползти к реке знаменитая набережная.

Можно ли было предотвратить эту новую драму старинной приморской республики, которая была некогда грозной соперницей генуэзцев и флорентийцев? Можно, отвечают эксперты. Достаточно укрепить набережные, которые были запущены еще во времена фашизма.

Вопрос о защите от наводнений не только местный, пизанский. Он касается всей страны.

И не случайно одним из важных пунктов своей программы компартия сделала требование о защите земли от водной стихии.

Вот так оказалась Пиза перед необходимостью вести борьбу за спасение и своей падающей башни, и своих дворцов, и своих набережных. Во время войны англо-американская авиация разрушила почти половину города, пощадив, правда, ее исторические памятники. То, что не успели сделать летчики, довершает вода и равнодушные власти.

ХОЛМЫ ТОСКАНЫ

Между Винчи и Чертальдо по прямой не больше семидесяти пяти километров. По закрученным тосканским дорогам расстояния утраиваются и учетверяются. Бесконечными волнами набегают на дорогу холмы. Тянутся они до того места, где земля сливается с небом, превращаясь у горизонта в лиловую стену гор. За горами — море.

Склоны некоторых холмов переходят в могучие стены, разрезанные бойницами, в квадратные башни. Сбегают вниз черепичные крыши домов. Они прижимаются друг к другу, обнимая замок. Когда-то были эти замки центрами феодального владычества. Теперь только старинные каменные гербы над воротами напоминают о былых хозяевах, имена которых сохранились лишь в старинных хрониках. А в замках — муниципалитеты, музеи или картинные галереи.

Красота Тосканы строгая, совершенная, иногда почти аскетическая. Холмы Венето, томные, вычурные, напоминают картины художников ба-

рокко. Холмы Тосканы написаны кистью, которая ничего не оставляет случаю, убирая лишнее, постороннее, броское и лишь потом добавляя к созданному скупому совершенству мягкий, фантастический орнамент. Гуидо Пьовене, писатель и исследователь, считал тосканский пейзаж «наполненным самой высокой интеллектуальностью».

Я каждый раз заново открываю Тоскану. Меня тянет туда не только потому, что в маленькой церковке Чертальдо на каменной могильной плите высечено имя отца итальянской прозы Джованни Бокаччо, сына флорентийского торговца Бокаччо ди Геллино. Не потому, что Леонардо — художник, ученый, философ, незаконный сын нотариуса и служанки — родом из Винчи, что Пиза славится не только своей падающей башней, но и тем, что в семье музыканта родился здесь Галилео Галилей. Все это можно узнать из книг и справочников. Никакие книги не в состоянии сделать тебя другим людей, которые живут на этой земле.

Поля, виноградники, оливковые рощи. Только артисты от крестьянства могли превратить некогда бесплодные тосканские земли в то, чем они стали. «Гигантской кладовой человеческого труда» называл Тоскану миланский историк Карло Каттанео. Между рядами виноградных лоз стеной поднимается кукуруза. Вздожают по склону серо-зеленые, как полицейские, оливковые деревья. Поля чистые, будто прошел по ним гигантский пылесос. Идет уборка пшеницы, сбор фруктов, поливка овощей. Геометрическими фигурами поднимаются стога соломы... Жаль только, что постепенно приходят в упадок, гибнут богатства, созданные поколениями. Земля перестает кормить. Крестьяне бросают дома,

участки, продают скот и уходят кто куда. «Исчезает счастливая страна Аркадия», — с грустью писал Индро Монтанелли, писатель и журналист.

Меня привез сюда на драном «пикапе» Эмилио Монтаньяни.

Эмилио Монтаньяни — художник. Тосканец и сын тосканцев, которые сами были детьми тосканцев, он сросся с этой землей, и я не могу представить себе этого человека живущим, скажем, в Риме. Мы — давние друзья. Я познакомился с ним лет пятнадцать назад, когда возле венецианского моста Риальто он писал свои этюды. Над Большим каналом висел удушливый туман, вода, грязная и вонючая, захлестывала набережную, а на куске картона было солнце; оно делало мост и его лавки розовыми, отражалось в стрельчатых окнах дворцов, золотило гондолы.

— Я не могу видеть Венецию скучной и будничной. Мне всегда хочется, чтобы тут был праздник, чтобы люди радовались солнцу и забывали о своих болях, — говорил он мне.

С того года я стал частым гостем его дома на сиенской улице Делле Терме, заставленного картинами, книгами, античной, но страшно неудобной мебелью. Вместе с Эмилио жили его жена, Флавия, и дочь, Мариза. Безалаберные, но удивительно добрые и человеческие люди, эти Монтаньяни. Невысокий, с копной седеющих волос Эмилио — одержимый. Альбом под мышкой, флакон туши и пачка кистей в кармане, таким привыкла видеть его Сиена, певцом которой он себя называет.

Монтаньяниевская Сиена велика и неповторима. Он почти не пишет широких полотен. Его картины высокие и узкие, подобно этому городу,

устремленному в небо. Башни, колокольни, улицы-щели, каменные провалы средневековых двориков-колодцев начинают под его кистью жить своей, совершенно самостоятельной жизнью. Струится с его полотен прозрачный и терпкий воздух Тосканы. Он не копирует свой город в фотографически правильных рисунках, где каждый штрих соответствовал бы штриху действительности. Его Сиена — это реальность, помноженная на творческую фантазию.

— Я отвергаю любые формы абстрактного искусства, — говорит он. — Наверное, потому, что мои старики — крестьяне, да и сам я в молодости работал в поле. А крестьянин в силу своей природы привык мыслить конкретно и видеть вокруг себя реальные предметы и реальных людей. Но я — модернист. В том смысле, что я **современный** художник и не могу поэтому абстрагироваться от нашей современности, спрятаться от нее за широкие спины классиков.

Пятнадцать лет нашей дружбе. И пятнадцать лет он непрерывно ищет свой, оригинальный, неповторимый почерк.

— Нашел ли ты его? — спрашиваю. Мы только что бросили букетик маргариток на мраморную плиту, под которой лежит прах Джованни Бокаччо, и спускаемся по крутой улице Чертальдо, которая от старого баронского замка ведет к новому городу, к мастерским и складам.

— Наверное, никогда не найду его. Мне постоянно чудится, что все еще не то, что нужно нащупать другую жилу, другой подход к изображению жизни.

Он останавливается, раскрывает альбом и быстрыми штрихами начинает рисовать чем-то поразившие его ворота старинного дома ремесленника. Монтаньяни научил меня по-настоящему

чувствовать эту землю и любить ее. Я не раз ловил себя на мысли, что начинаю видеть Тоскану его глазами, понимать не только то поистине великое, что имеет она, — живопись Боттичелли во флорентийском Уффици, фрески Джотто, скульптуры Джанбологнии, дворцы Лукки, — но и черты, из которых складывается ее повседневное бытие: нелюбовь к пустым словам, риторике и театральным позам, конкретность и реализм в оценке поступков, фактов и людей, ясность мышления, стремление добраться до сути вещей и понять их. Тосканцы редко разыгрывают комедию притворства и не рядятся, будто венецианцы, в пестрые плащи сказок о самих себе...

Однажды я спросил у графа Вальмарана, дом которого расписан Тьеполо, как живет человек, стены спальни которого — настоящий музей великого художника.

— Привык, — ответил он. — Только посетители иногда мешают.

Дворец Вальмарана, принадлежащий этому древнему роду, объявлен национальным достоянием. Государство ассигнует средства на реставрацию и охрану росписей Тьеполо, и поэтому хозяева обязаны пускать туда экскурсантов. Этот дворец находится на севере, в провинции Виченца.

Но, если задать подобный вопрос любому тосканцу, он, как и родовитый граф, ответит так же. Разве только опустит деталь о посетителях: здесь к туристам относятся почтительно. На площади Синьории во Флоренции стоят статуи великих ваятелей. Во дворцах, созданных Палладио и Сангалло, размещаются полицейские управления, банки, префектуры. В церкви, хранящие картины фра Анджелико, Андреа дель Сарто

или Мазаччо, по воскресеньям приходят на мес-
су прихожане, большинство которых никогда
не слышало этих имен, и не обращают на роспи-
си, ставшие привычной деталью быта, никакого
внимания.

Жители Тосканы окружены историей, которая
оказала гигантское влияние на развитие не толь-
ко Италии, но и всей Европы. Здесь родились
Данте и Микеланджело. Здесь появился на свет
и первый банк в нынешнем понятии этого сло-
ва, и первый чек, и первый вексель. Этот первый
вексель, изобретенный неким Датини в XIV веке,
ныне в нарядной рамке выставлен на всеобщее
обозрение в Сиене в банке «Монте деи Паски».
Здесь, в Тоскане, банкир Медичи стал великим
герцогом, доказав, что сила золота могуществен-
ней феодальных гербов и что господином делают
именно деньги.

Как бы могли окунуться тосканцы в это свое
прошлое и жить только им! Доходы от него они
извлекают, и немалые: каждый год сюда приез-
жает не менее десяти миллионов туристов. Но
Тоскана опрокинута в сегодняшний день. Как-то
центральные власти временно отстранили от
должности десяток синдаков (так в Италии на-
зывают мэров) тосканских городов. Причина?
Официальное участие в маршах мира. Это зна-
чит, что представители муниципалитетов несли
в колоннах городские штандарты, что синдаки
пришли на манифестацию, перепоясанные трех-
цветными шарфами, которые положено носить
только им и только при исполнении официаль-
ных служебных функций. Случайное явление?
Нет. Я уже писал, что Тоскана — одна из «крас-
ных» областей Италии.

Товарищ Роберто Мармуджи, бывший токарь
с «Галилео», а тогда секретарь местной федера-

ции коммунистов. С ужасом смотрим на два куска мяса, которые подали нам на ужин. «Флорентийский бифштекс» обязан весить не менее четырехсот граммов, а больше — сколько угодно. Нас пригласил для разговора Джорджо Ла Пира.

Где-то тут, если верить легендам, жили фьезоланские нимфы, а теперь — гидроповое шоссе, модные рестораны и отели, бензоколонки «ЭССО» да «АДЖИПа». Широкие окна глядят на долину, где извивается Арно — речушка, умеющая быть злобной и коварной, и высится Флоренция: купол Брунелески, колокольня Джотто, рыжая черепица крыш.

«Стучит топор, и с кампанил
К нам флорентийский звон долгинный
Плывет, доплыл и разбудил
Сон золотистый и старинный...

Не так же ли стучал топор
В нагорном Фьезоле когда-то,
Когда впервые взор Беато
Флоренцию приметил с гор?» —

писал Александр Блок, вспоминая и свое свидание с Флоренцией, и первую встречу монаха Беато Анджелико, художника, открывшего для живописи перспективу, с городом, которому отдал он лучшие мгновения своего творческого полета.

Он изменился, Джорджо Ла Пира. Я видел его последний раз в кабинете на втором этаже палаццо Веккио. Чиновник провел меня через двери и оставил одного возле окна. Ла Пира вошел в помещение почти бегом. Мы обнялись и поцеловались. Потом жевали бутерброды и пили минеральную воду, говоря о том, что Флоренция — своего рода мост между Западом и Востоком Европы, что мир может быть прочным,

что католики и коммунисты в Италии должны найти общий язык. Мэр Флоренции, а тогда Ла Пира занимал этот пост, не уставал говорить об этом. Мы встречались десятки раз во Флоренции, Риме, Москве. Но здесь я хочу рассказать о первой встрече в далеком 1955 году.

Я пришел к нему, только что ставшему мэром (до него городским головой был коммунист Фабиани), даже как следует не договорившись о свидании. За шесть месяцев корреспондентской работы я еще тогда многому не научился. Джорджо Ла Пира принял меня без колебаний, хотя в те времена для него — христианского демократа, одного из лидеров ХДП — это был акт политического, гражданского и, я бы сказал, религиозного мужества. Ла Пира — католик и притом по-настоящему верующий, а папой был тогда Пий XII, который всех коммунистов отлучил от церкви и самым жестоким образом карал любое непослушание своей паствы. Большим мужеством со стороны Ла Пира было то, что он согласился дать интервью корреспонденту «Правды».

Наша беседа текла беспокойно. Очень экспансивный, горячий, порывистый, он не желал сидеть в высоком резном кресле с флорентийскими лилиями. Ходил по кабинету. Громко читал стихи. Подводил меня к окну и показывал дворцы и статуи. И при этом ни на секунду не терял нити разговора. Моя газета напечатала текст интервью, суть которого сводилась к тому, что все миролюбивые силы должны сообща бороться за высшее благо человечества — за мир, что в этой борьбе не должно быть политических, религиозных, расовых и социальных различий.

Теперь, конечно, это кажется очевидной и даже тривиальной истиной. Но в 1955 году Джорд-

жо Ла Пира пострадал из-за этого. Его начала травить буржуазная печать. В ХДП раздались голоса, потребовавшие суровой кары для флорентийского мэра. Орган Ватикана «Оссерваторе романо» напечатал статью, в которой осудил поступок католика, который осмелился дать интервью газете не только коммунистической, но и вдобавок советской.

Мне рассказывали потом, что Ла Пире пришлось трудно. Но он не отступил. Отмахнувшись от «Оссерваторе», он созвал во Флоренции совещание мэров крупнейших городов мира. Пригласил в том числе М. А. Яснова, тогдашнего председателя Моссовета. И опять говорил о сотрудничестве, о совместных действиях в борьбе за мир. «Он хочет стать главой независимой Флорентийской республики», — злились правые газеты. А он в разгар забастовочной борьбы на заводе «Пьяджо» конфисковал его на основе старинного закона от 1868 года. «Ла Пира становится красным. Этого святого мэра следует убрать, — орали хозяйские органы печати. — Он осмеливается трогать частную собственность, которая для любого католика должна быть священной».

Джорджо Ла Пире убрали. На очередных муниципальных выборах партия ХДП не внесла его имени в список кандидатов. Он стал слишком опасным, пойдя много дальше, чем хотели бы даже те отцы церкви, которых нынче в Италии именуют «прогрессистами». Убрать-то убрали. Однако идеи, которые он так горячо и убежденно отстаивал изнутри католического движения, оказались живучими.

— Флоренция идет первой в Италии в том, что касается такой важной проблемы, как диалог между коммунистами и католиками, как по-

иски путей для совместных действий во имя демократического развития нашей страны, — эти слова я записал во время беседы с Роберто Мармуджи, который возглавлял флорентийскую Федерацию ИКП.

Проблема эта в масштабах Италии действительно гигантская. Здесь ни католики, ни коммунисты не имеют абсолютного большинства. Их силы примерно равны: кое-где сильнее католики, кое-где верх берут коммунисты. Но что разделяет трудящихся, верящих в бога, и трудящихся, в него не верящих? Есть ли между ними реальные противоречия? Нет, таких противоречий не имеется. Поэтому все чаще выступают единым фронтом профсоюзные конфедерации, молодежные организации, ученые, писатели, деятели культуры.

Коммунисты протягивают руку трудящимся-католикам. Начиная со своего XI съезда ИКП называла эту линию в качестве одной из основ своей политики. Но если едиными бывают забастовки, если, протестуя против американской агрессии во Вьетнаме, вместе идут коммунистические и католические организации, то в политической области стена, разделяющая две наиболее влиятельные группы общественного мнения Италии, до сих пор высока, хотя и дала значительные трещины.

Между коммунистами и католиками, учитывая конкретные особенности Италии, есть возможность широкого сотрудничества. И в самой ХДП имеются силы, которые не отвергают идеи «исторической» встречи рабочего и католического движения. То, что управлять страной без ИКП, а тем более против нее становится невозможным, стали понимать даже некоторые демохри-

стианские лидеры, которые раньше и слышать не хотели о сотрудничестве с компартией. Во Флоренции, почти во всей Тоскане, эта идея перестала быть чуждой еще десяток лет назад.

СТО СТУПЕНЕЙ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

Сто крутых кирпичных ступенек от дороги тянутся к шахте. Пыль, едкая пыль, которую поднимает ветер. От раскаленного добела солнца нет спасения. В звенящей тишине печатает шаг полицейский патруль. Почти отвесно поднимаются горы. Каменная стена чуть покрыта кустарником. К ней будто приклеен желтый копер шахты. На площадке, куда клеть после смены доставляет горняков, — женщины, дети, мужчины.

На трехсотметровой глубине сорок горняков. Четыре дня и четыре ночи не выходят они на поверхность земли. Шахта занята бастующими рабочими. Возле тяжелого металлического телефона женщины и дети часами ждут возможности поговорить с теми, кто остался в штреках. Меня пропускают без очереди и расступаются, запихивая в карманы моей куртки письма, записки, куски хлеба, картофелины, яблоки («отдай Пеппи; слушай, эта записка для Ческо; яблоки Дино — у него силикоз»). Сегодня я использую свою профессиональную привилегию — право на информацию.

Под землю со мной спускается карабинер. Клеть скрипит. Дышать тяжело. Вода. Ползем, ползем. Триста метров превращаются в путь к

Дантову аду. Страшновато для человека, не привыкшего к подземным спускам. А внизу страхи забываются. Меня подхватывают десятки рук. Я уже не шевелю ногами. Меня почти несут эти огромные и могучие люди. Потом мы сидим на парах. Люди вблизи оказываются совсем не огромными и не могучими. Скорее наоборот. Осунувшиеся лица. Длинные тени скачут по стенам, будто изображение на экране испорченного телевизора.

— Сыро, холодно. Спим на досках, — объясняет Олиндо Эльми, профсоюзный руководитель, горняк. — У нас есть туристская кухня, ну, знаешь, с газом в баллончиках. Так что в общем — живем.

Сырость я начинаю чувствовать через полчаса. Зябко, стучат зубы, курю одну сигарету за другой.

— С непривычки это, — говорит Олиндо. — Первые сутки и у меня зубы стучали.

Дают стаканчик граппы — она напоминает грузинскую чачу и стреляет в желудок.

— У нас тут разные люди, — продолжает Олиндо. — И коммунисты, как я, и социалисты, и католики. Хлеб мы все один и тот же едим и боремся вместе.

— Ты скажи советским товарищам, что наш дух высок, как звезды, хотя не видим мы их уже 100 часов.

Это Альмиро Бонарелли говорит, забойщик. Чисто выбритый, в отглаженных брюках («под картонку кладу ночью») и широкой горняцкой спецовке, он, разговаривая, скручивает сигареты, складывая их в одну большую коробку...

На шахте Рави, что в провинции Гроссето, бастующие шахтеры действительно держатся крепко.

Снова клеть подъемника, мундиры полиции, вопрошающие глаза женщин.

— Все в порядке, — говорю. — Здоровы, поклонны передают.

И опять ступени, солнце, раскаленный асфальт дороги, ползущей на вершину горы. По склонам, будто кубики детской рукой, беспорядочно разбросаны дома. В начале века нашли геологи здесь залежи пирита. Пришли техники, наняли крестьян, построили рудник. А хозяином стал флорентийский помещик Марки. Вот с той поры, более пятидесяти лет, поколение за поколением жители Рави, вгрызаясь в гору, создавали богатство синьора из Флоренции. Теперь этот труд стал ненужным. «Нерентабельно, поэтому — вон!» — заявили администраторы шахты. Ну, естественно, более вежливо, чем «вон», однако смысл всем был понятен. «С 25 сентября мы расторгаем с вами, синьор такой-то, трудовой контракт», — было написано в письмах об увольнении, которые получили сто шестьдесят горняков. Вот так 160 человек выбросили на мостовую. С выходными пособиями, с извинениями. Хозяева уходят, оставляя за собой пустоту да шахту, которую закрывают, да поселок — такой же, как полсотни лет назад. На вершине горы вцепился каменными лапами в скалы средневековый замок. Жили там когда-то синьоры здешних мест, а теперь он разбит на конуры: их снимают шахтеры. Долина полна солнцем, но в рабочей казарме темно и сыро, как под землей. Мариза Бальданци целует записку, которую я принес ей из шахты от мужа.

«Ваши жертвы еще больше, чем наши», — пишет он, обращаясь ко всем горняцким женам.

Сорок горняков на трехсотметровой глубине знают, за что они ведут борьбу. «Мы сейчас под

землей, — писал он. Это письмо мне показали в стачечном комитете. — Мы выбрали траншею борьбы. Пусть вырвется этот наш голос из этой могилы для живых, куда загнала нас капиталистическая эксплуатация. Нам грустно без солнца. Мы думаем о принципах и действительности нашей республики, о свободе от нужды. Мы считаем бесполезным говорить о демократии тогда, когда наши дети испытывают недостаток во всем. Мы требуем, чтобы правительство лишило хозяев концессии на добычу пирита. Частная инициатива, гласит наша конституция, не может осуществляться в противоречии с общественной пользой. Наше требование твердо, как наша борьба. Мы не желаем сочувствия или жалости. Мы требуем то, что по праву принадлежит трудящимся, создающим национальные богатства».

РИКАРДО, ПЕППЕ, СИЛЬВАНО И ДЕВУШКА С МАЛАХИТОВЫМИ ГЛАЗАМИ

На маленькой римской улице Распони — четыре дома по правой стороне, пять по левой — я жил несколько лет. Еще недавно была тут свалка, бараки, заросшая бурьяном насыпь железной дороги. Людей из бараков куда-то выселили, землю продали, и теперь здесь новый городской квартал. Обитатели улочки знают друг друга, как в деревне.

— Видите голубой бант над воротами? — У синьоры Бруны родился мальчик.

— А те двойняшки из двадцать первого дома,

которых молоденькая мама возила в двухспальной коляске?

— Что вы, синьор, какая коляска, они уже пошли в школу.

— Ах да, совсем забыл — в Италии дети начинают учиться, когда им исполняется шесть лет.

Через каждые два шага я встречаю знакомых. Сопя и чертыхаясь, вытаскивает из машины ящики апельсинов и картошки зеленщик. Каждое утро на большом оптовом рынке возле ворот Сан Паоло закупает он овощи и фрукты для нашей улочки. Два километра пути от рынка до его лавки увеличивают цену процентов на 30—40. Из двери колбасной улыбается Сильвано — молодой, красивый, сильный парень.

— Синьор Владимирो, давайте я вас побрею!

Это Риккардо. Несколько месяцев назад он открыл на нашей улице свой парикмахерский «салон» — два кресла да большое зеркало.

— Надоело работать на других, — рассказывает он. — Залез в долги, вот теперь — хозяин.

Хозяин? Целыми днями стоит он возле салона, ожидая клиентов. Они так редки. Ведь вокруг еще по крайней мере десяток парикмахерских.

— Конкуренция, — вздыхает Риккардо. Все, что он зарабатывает, идет на оплату долгов.

— На что же вы живете? — спрашиваю.

— Жена нашла приличное место. Ходит к одним убирать квартиру и присматривать за детьми, — отвечает. Собственную двухлетнюю девочку они отправили к родственникам...

За широким окном на прилавке ряды дамских туфель. Где-то среди них и туфли жены. Сюда наша улица носит чинить обувь.

— Помните, у меня совсем не было работы,— говорит сапожник.— Все вдруг почувствовали себя богачами. Зачем чинить, лучше купить новые.

А сейчас он работает даже по праздникам. Чуть свет бежишь за газетами, а он стучит, стучит, хитро подмигивая и бормоча себе под нос тягучую калабрийскую песню. Работает он, как и любой итальянский ремесленник, великолепно. Мне кажется, что на нашей левой стороне сапожник просыпается самый первый, еще до того, как начинает мести лестницы дядюшка Пио — портье, дворник, истопник и водопроводчик дома № 22, где я живу. А на правой стороне, словно соревнуясь с сапожником, гремит, поднимая жалюзи своего хлебо-бакалейного магазина, синьор Филиппо. На нашей улице его почему-то не любят. Во всяком случае магазин почти всегда пуст. Женщины предпочитают бегать подальше, за угол, к братьям Карузо. То ли там дешевле, то ли по какой другой причине. Целыми днями синьор Филиппо копается в задней комнате лавки, передвигая ящики и мешки, да переругивается за кофейной стойкой бара со своим конкурентом с улицы Ланчани.

Сколько их, таких хозяев, прошло за эти годы через нашу улицу! Один сменял другого. Там, где торговали вином и оливковым маслом, нынче предлагают кресла на любой вкус. Открывшийся полгода назад модный магазин прогорел, так и не продав, по-моему, ни одного платья, хотя, честное слово, они были красивыми и не очень дорогими. А вот в молочной хозяева меняются каждый год.

— Проклятое место,— говорят на нашей улице.— Кто ни въедет, обязательно вылетает в трубу. Ну, хоть ставь свечки мадонне.

Но мадонна — мадонной, а дела — делами. Мой друг и советчик по местным делам, черно-волосый, усатый Рино горестно вздыхает:

— Ну торговля, ну хорошая торговля. А ты скажи, деньги где? Чем платить за товары?

Он немного прибедняется, будто я налоговый агент. И все-таки я знаю, что ему трудно.

— Ты вот говоришь, квартал наш не бедный. Дорогие машины, многокомнатные квартиры. А у Рино все берут в долг. И машину купили в долг, и квартиру — в долг. Здесь у нас всем хочется пыль в глаза пустить. Глянь-ка!

Он кидает на прилавок толстую, исписанную кривыми буквами тетрадь. В ней записаны его должники.

— Вся округа, — горячится он. — А помнишь ту синьору с рыженькой собачкой, у которой из машины утащили приемник?

Синьору я помню хорошо. Она на всю улицу возмущалась ворами и громко, чтобы слышали прохожие, повторяла, что ее муж немедленно сменит оскверненный автомобиль.

— Так эта синьора не платит мне долга уже четыре месяца. А ты говоришь, машины...

Я давно не вижу моего чичероне по жизненным дебрям нашего квартала. Его место за прилавком заняла жена. Сюда прибегают из школы позавтракать их ребята — семилетний Роберто и очаровательная одиннадцатилетняя толстушка Мариза.

— Рино нашел работу. Для одного издательства он развозит книги на дом заказчикам, — объясняет синьора. — Хоть теперь заработок стал стабильным.

Стабильный заработок, уверенность, что завтра будет работа, — забота не только тех, кто держит маленькие и небольшие лавочки и мага-

зины на нашей улице. Этих лавок так много, что нас, покупателей, просто не хватает на них. Один магазин приходится в Италии на 43 жителя. 300 тысяч человек имеют лицензию разносчика. Торговцы разоряются. Их товары продаются с молотка, а хозяева, «независимые и самостоятельные хозяева», снова оказываются среди тех, от которых они хотели уйти, выкабавшись чуть-чуть наверх. Сколько людей боятся будущего и живут, заглядывая вперед на неделю, в лучшем случае на месяц вперед! Все, что по ту сторону тридцати дней, представляется туманным, неопределенным, непонятным. Можно выиграть в футбольный тотализатор — это мечта всех итальянцев как с нашей, так и с тысяч других улиц — и сразу разбогатеть. Можно, наоборот, прогореть на биржевой спекуляции или слишком рискованной сделке. Каждый следующий день являет собой новое уравнение со многими неизвестными. Может быть, поэтому, как утверждал киоскер, у которого постоянно я покупал газеты, на нашей улице большим спросом пользуются книжки по хиромантии и астрологии, да предсказания за день вперед по знакам Зодиака.

Для мелкого торговца главное состоит в том, чтобы выбраться из стихии конкуренции, найти для себя тихую гавань, где ежемесячно будут выдавать розовый конверт с постоянной зарплатой. В Капитолии, где расположен столичный муниципалитет, мне рассказали, что Рим может гордиться своеобразным рекордом: ни в одном городе нет такого количества заявлений с просьбой предоставить работу муниципального мусорщика. Да что чужие рассказы! Нашу улицу каждый день часа в четыре метет высокий мужчина в очках. Синяя форменная куртка с желто-

красной римской эмблемой на груди, метла и двухколесная тележка с большим бидоном для мусора. Он работает не торопясь, подолгу болтая с портье, шоферами, торговцами. У нас его знают все. Некогда замечательный мебельщик-краснодеревщик, он ждал два года места мусорщика.

— Мне очень удобно. Утром и поздно вечером — мастерская, а остальное время — метла и улица, — радуется он. Его рабочий день равен 16 часам. — Зато теперь у меня будет пенсия.

Торговец с соседней улицы устроился лучше. Он по большой протекции сумел поступить швейцаром в министерство.

— О, синьор, будьте уверены, дела мои пойдут куда лучше, — он размахивает руками, полный энтузиазма, и тут же ведет меня угощать кофе. Я тяну густую жидкость («Лучший кофе в мире» — кричит реклама. Наверное, это правда), а перед глазами газетные страницы, заполненные объявлениями о банкротствах, крахах, распродажах фирм, куда более солидных, чем торговые точки на этой улице...

Рим, уже почти весна,
Не дурачься нынче вечером,
Поводи меня по улицам твоим...

Парень установил микрофон и репродуктор возле маленького рынка, который каждое утро, будто в сказке, возникает на проезжей части улицы Гонди, перпендикулярной нашей улице. Электрическая гитара, фуфайка с высоким воротом, потертый пиджак. У парня хитрые глаза и чуть хриловатый, но очень звучный и приятный голос. Распахиваются окна, рассеянное смотрят за стрелками весов зоркие продавцы, смягчаются лица прохожих. Он поет, кажется,

ничего не замечая вокруг. Мальчишка в это время обходит притихших слушателей. Потом они складывают микрофон, прячут репродуктор. Певец вешает гитару через плечо, и они, взявшись за руки, отправляются на другую площадь, к следующему рынку. Весенний Рим ведет их по своим улицам, где бело-розовым цветом вспыхнули миндальные деревья, набухли почки глициний и уже совсем не нужно пальто...

Передо мной снова улица Распони и ее хозяйчики, старательно ползущие вверх по дороге, ведущей вниз. Я забыл теперь многие лица и имена. Много стало другим на улице, где я жил. Уехал куда-то вечный неудачник синьор Филиппо. А часовщик Сильвестри ликвидировал свое дело.

— Знаете ли, синьор Владимир, у него неприятности с векселями произошли, — рассказывал зеленщик, который узнал меня после трехлетней разлуки.

Рим с его бесконечными магазинами, лавками, лавчонками, барами, мастерскими, где пытаются утвердить свою призрачную независимость десятки, а может, сотни тысяч людей. Очередей нет никогда. Но власти «вечного города» встревожены: обилие магазинов и негоциантов отнюдь не свидетельствует о здоровой экономике. Продавая, ничего не создаешь. И в конце концов покупателей бывает мало, ибо многие покупатели — те самые торговцы без средств, которые слишком мало продают, чтобы заработать на покупки.

Вот и получается, что растет недовольство хозяйчиков, что готовы они часто обвинять во всем и парламент, где «слишком много говорят», и все партии, которые-де «установили свое господство против народа», и рабочих — «слишком

много бастуют», и крестьян — «ломают цены на свои товары». А этим недовольством ловко пользуются, подсовывая политические лозунги, правые силы, особенно неофашисты.

Разумеется, я не хотел бы обобщать. Средний класс отнюдь не целиком идет за правыми. В нем тоже происходит серьезное расслоение. Я знаю многих хозяев (и не бедных), даже фабрикантов, которые являются членами коммунистической партии, и не пассивными, а активными. Еще Тольятти говорил, что очень важно, как работает ИКП со средними слоями, которые могут стать или врагом, или союзником пролетариата. «Быть может, недостатки наших действий объясняются тем, что борьбу с фашизмом мы вели главным образом в политической области, используя политические аргументы, вместо того, чтобы выступать широким фронтом и в области идеологии, морали, нравов, и в области повседневной жизни, — говорил он. — Мы не выполнили еще задачу уничтожения корней неофашизма в сознании всех граждан, не только в сознании молодого поколения, но и во всей стране».

В «красной» Италии такая задача в основном выполнена. Там сделано многое, чтобы завоевать средние слои на сторону рабочего движения. И песни римских парней на маленьком рынке напомнили мне о других певцах и других песнях, о людях, которых капиталистическое общество пытается разделить, натравить друг на друга в жестокой конкуренции, сломать, подчинить, но которые нашли в себе убежденность, мужество, решимость идти рядом, локоть к локтю, к единой цели. Процессы, происходящие в Италии, — процессы сложные.

Вот история, противоположная историям людей, выбивающихся в хозяйчики...

Самое большое кафе Сесто Фиорентино переполнено. В телевизионных залах нет ни одного свободного места. Около стойки, где пьют кофе и кьянти, толпятся и разговаривают люди. На первом этаже танцует молодежь, а на открытой арене крутят новый американский боевик. День сегодня обычный, кажется, среда. Кафе, телевизионный, танцевальный и кинозалы, библиотека и книжный магазин (здесь продаются новинки итальянской и зарубежной литературы, книги по марксистско-ленинской философии и политэкономии, великолепные альбомы художественных репродукций), помещения местных организаций коммунистической и социалистической партий, профсоюзной палаты труда — все это часть Народного дома. Его построили, собирая лиру за лирой, месяцами работая добровольно, без вознаграждения, жертвуя самым необходимым, рабочие, крестьяне, студенты Сесто. «Полицейские министра Шельбы, добывая для себя казармы, изгнали Народные дома из зданий, которые принадлежали при Муссолини фашистским организациям. Мы построим для себя собственные дома», — такая листовка была расклеена в 1954 году на улицах Сесто...

Дом на центральной площади флорентийского пригорода — сердце политической и общественной жизни, место, где в трудные и радостные минуты собирается трудовой люд. Сесто Фиорентино — рабочая душа Флоренции. Историки утверждают, будто раньше были тут загородные виллы толстосумов, первые мануфактуры, первые фабрики, первые классовые бои. Потом город захлестнул окраину, привязал ее к банкам, запеленал в долговые расписки. Там, где дома

и заводы подбираются к тосканским Апеннинам, где из пыли улиц вырастают яркими грибами новые машиностроительные, керамические, стекольные предприятия, где жилые дома разбросаны изолированно, Народный дом стал центром, который соединяет вместе людей, разделенных работой и бытом.

В маленьком зале для совещаний — нас двадцать. Трое советских, остальные — итальянцы. Мы не произносим речей и даже не обмениваемся мнениями. Просто слушаем. Пять парней и девушка поют советские песни. Поют для нас. Красные галстуки, куртки защитного цвета, длинные волосы. Две гитары, труба, аккордеон. Странно звучат по-итальянски такие знакомые с детства песни. Ребята поют самозабвенно, радостно. Для них, наверное, петь и играть огромное счастье, и они умеют заразить этим счастьем других людей. Они щедро дарят и свою молодость, и свой талант, и свой темперамент.

— Это все она, Сандра, сделала, — шепчет мне на ухо сосед. И не отрывает глаз от девушки возле микрофона. Я тоже не могу оторваться. Не потому, что поет она необыкновенно. Просто она очень хороша. Черноволосая, высокая, глаза — потом я разглядел, что глаза ее темно-зеленые — двигалась в такт музыке с грацией профессиональной балерины. Нам казалось, будто она вот-вот встанет на пуанты и скромная комната Народного дома Сесто превратится в настоящие театральные подмостки.

Парни перестали петь. Бросили гитары на покрытый кумачом стол и стали просить советские значки, сигареты, монеты. А Сандра подошла, улыбаясь, и, на итальянский манер смягчая слова, сказала по-русски:

— Добрый вечер. Как наши песни? Как наш

дом, понравился ли? Можем мы поехать в Москву?

Я до сих пор жалею, что не имел абсолютно никаких полномочий, чтобы пригласить этот маленький оркестр выступить в московских клубах. И дело не в том, понравился бы оркестр рабочих и студентов флорентийского пригорода, пришлось бы нам по душе его песни. Было бы просто интересно познакомиться с Сандрой, с ее не совсем обычной судьбой...

Аристократическая Флоренция похожа на крепость, которую невозможно взять осадой. Ее стены неприступны. Даже миллиардные состояния нуворишей не могут пробить брешь в ее стенах. Надо иметь предков в XIV или XV веках, чтобы войти в этот замкнутый мирок. «Наш город — самая большая провинциальная столица в мире, а наша валюта — доллар во имя бога и доходов», — этот лозунг родился среди тех, кто носит исторические имена Ручеллаи и Контини-Бонакossi, Пацци и Риказоли.

Эта Флоренция — город жесткий. Здесь любят шутки, но шутки злые, острые, такие, чтобы одной фразой загрызть своего соперника. Адвокат Нери-Каппони (семья, из которой он происходит, была соперницей Медичи) рассказывал как-то:

— Еду на велосипеде. Из окна машины выглядывает мой конкурент. «Какой декаданс у вашего рода. От колоколов, которых пугался король Франции Карл VIII, до велосипедного звоночка, которого не боятся даже воробьи...»

Дворцы, построенные великими архитекторами Возрождения, очень редко открывают свои двери. Аристократы берегут деньги: их не так уж и много. Ну, а те сокровища искусства, которые накопили предки нынешних владельцев, переменили хозяев и подданство. Картины,

скульптуры, старинная мебель украшают теперь дворцы американских богачей. Хотя кое-что осталось и у флорентийских графов и герцогов: Лотто и Эль Греко, Николо Пизано и Караччо. А многие тосканские аристократы — носители громких титулов, породнились с аристократами биржи и банков: американскими, английскими, французскими, но не с итальянскими. Такова традиция: роды Салимбени или Джинори не могут слиться с отпрысками шерстобитов из Прато или кожевенников Фучеккьо.

И вот в одной из таких семей замкнутого мира Флоренции росла девочка, одна-единственная, наследница состояния и графского титула. Я не знаю, как растут графские дочки в Италии. Но полагаю, что жить этой девочке было хорошо и удобно. Большой дом. Вилла на море. Закрытый аристократический колледж в Швейцарии. Первый автомобиль, подаренный папенькой. Первый бриллиант, подаренный дядюшкой. Девушка водила автомобиль и носила кольцо, отлично училась в колледже и великолепно плавала. Росла такой же, как сверстницы ее круга.

Сандра: «Все началось в университете. Однажды, почти в шутку, пришла я с ребятами на молодежное собрание. Люди о чем-то говорили и спорили, что-то принимали и с чем-то не соглашались. А я, как дурочка, не понимала ровным счетом ничего, хотя считала себя умной и образованной. Ну, думаю, разберусь. Села за книжки. И опять ничего не понимаю. Я спрашиваю Мауро, того студента, который меня привел на собрание, что делать? Он отвечает: а ты запишись на курс к профессору Лупорини, все поймешь. Я записалась к Лупорини, который читал в университете современную философию.

Тут только я понемногу начала понимать, что и как в мире устроено».

Мауро: «Она, как всегда, скромничает. Ну, ходила на лекции, читала серьезные книги, участвовала в дискуссиях. Понемногу и друзья у нее стали меняться. Не то, чтобы она порвала со своими, а просто реже стала с ними видаться, хотя на машине по-прежнему гоняла с двухсоткилометровой скоростью и не отказывалась от поездок за границу. Потом вызвалась помогать мне писать на стенах лозунги в защиту Кубы. Помнишь, в тот год, когда был Плайя-Хирон? Пришла элегантная такая, нарядная. Перемазалась вся краской, платье испортила. Без опыта ведь. Через день снова предлагает свои услуги. Упорная девчонка, думаю. Только, наверное, ненадолго. Струсит или надоедят игрушки. Однако ошибся. Она не струсилась, и ей ничего не надоело. Наоборот. Скоро так стала клеить афиши и малевать лозунги, что иные парни за ней не поспевали».

Сандра: «Смешно сейчас многое. Мне, правда, казалось, что все эти плакаты, листовки, ночные стычки с фашистами — сцены из приключенческого фильма, где я — главная героиня. Я и одевалась, будто в киноевиеках. Только так сначала было. Когда на студенческой демонстрации меня полицейский ударил по руке дубинкой, а потом я несколько суток отлеживалась в тюремной больнице, мне окончательно стало понятно, что дело, за которое я взялась, — не щекотание нервов. Тут или уходить надо, или отдать себя целиком. Я выбрала второй путь».

Мауро: «Ты должен понять, Владимир, совсем нелегко ей дался этот выбор. Можно подумать, раз-два — и решила. А за этим решением — вся жизнь, привычки, семья, воспитание. Думаешь,

это просто — ломать? Думаешь, легко двадцатилетней, в общем-то избалованной и взбалмошной девчухе выдержать угрозы отца, обмороки матери, уговоры родственников и друзей, с которыми росла и воспитывалась?»

Сандра: «Я очень люблю и отца, и мать. Они для меня сделали многое. Но они не поняли меня. Мне трудно винить их за это. Старые люди, привязанные к прошлому, к семейным, монархическим традициям, гордящиеся своим родовым гербом, которому лет триста, они не приняли меня, единственную дочь, ставшую коммунисткой. Я ушла от них. Отец лишил меня наследства и всякой финансовой помощи. Впервые я пошла работать самостоятельно не для развлечения, а для того, чтобы жить. Ох, как тяжело было. Когда полез однажды ко мне ночью на улице какой-то тип, обидно стало до слез. Ведь за проститутку принимает. Подумала даже: «Брошу все и вернусь домой». Не бросила, видишь».

Она не сошла с пути, на который стала не сразу, зато совершенно сознательно. Работала, училась, блестяще окончила университет. По конкурсу была принята на преподавательскую работу. Правда, в университет Пизы. Сандра пришла в Народный дом и спросила:

— Кто хочет учиться музыке и французскому языку?

Сначала записалось человек десять. Рабочих ребят к французскому не тянуло, да и музыкой они интересовались в основном на танцах. Через несколько месяцев оркестр Сандры дал первый концерт. Успех был ошеломляющим.

— Я всплакнула даже, — говорит Сандра. Плакала она и тогда, когда из пяти ее учеников французского четверо сдали экзамен на государ-

ственных курсах. Теперь она едва справляется со своими кружками. Отбоя от желающих нет.

Так пришла в Народный дом Сесто Флорентино и осталась тут бывшая графиня Сандра П., товарищ Сандра, девушка с малахитовыми глазами, ученый-филолог из Пизанского университета.

Не правда ли, не совсем обычная эта история, так непохожая на бесчисленные попытки выбраться вверх моих знакомых Сильвано, Риккардо, Рино и других с римской улицы Распони.

Важно понять, где этот самый верх.

БУЛЬВАР НА БАСТИОНАХ

Оливковые рощи на дороге к Лукке. Копоть выхлопных газов садится на листву, и деревья вдоль шоссе постепенно умирают.

Апуанские Апеннины, где Микеланджело долгие недели искал мраморную глыбу для своего Давида, поднимаются голубыми, дымчатыми теньями. Горы замыкают горизонт Лукки со всех сторон. А она замыкается в своих собственных широких стенах, эскарпах, бастионах, построенных в XVII—XVIII веках. «Все это вместе, — писал П. Муратов, — производит впечатление чего-то уединенного и отгороженного от остального мира, впечатление не то крепости, не то тюрьмы. Впечатление остается и усиливается в самом городе, с его невероятно узкими и запутанными улицами, на которые высокие дома бросают вечную тень». В те годы, когда жил в Лукке П. Муратов, еще не было автомобилей. Теперь даже в ясный день там мало воздуха, пахнет бензином, и хочется скорее вернуться на

стены, где солнечно, ветрено, откуда видны прозрачные горные дали.

Стены Лукки превращены в широкий бульвар, вдоль которого несколькими рядами высажены платаны. Город будто в кольце деревьев, поднимающихся над его крышами. Видны дворцы, церкви, даже далекая башня Гинцджи — так звали кратковременных властителей города. Отсюда можно изучать сложную топографию города. Старинные хроники рассказывают, будто жила здесь когда-то юная и прекрасная Лючида Манси. Не любила Лючида своего старого мужа и приказала убить его, а может быть, убила сама, чтобы вести жизнь, свободную от супружеских оков. Заключила для этого она договор с самим дьяволом. Тот обещал ей вечную молодость в обмен на душу. «Даже молитвенник ее был сделан из зеркал, — повествует летописец. — И на святой мессе она не молилась господу нашему, вымаливая прощение грехов, а любовалась собой». Зло, по крайней мере в легендах, наказывается скоро. Выхала она однажды в карете с гербом Манси на бастион и провалилась в разверзшуюся пропасть, что вела прямо в ад...

«Там «нет» и «да» меняют на казну», — писал Данте, видимо, не слишком любивший этот город — соперник Флоренции. В истории Лукки было на самом деле много ничтожного, позорного, унижающего. Не борясь за свою свободу, она милостью королей долго оставалась республикой. В 1805 году Наполеон подарил ее своей сестре Элизе Баччокки. Вы помните первые строки «Войны и мира»? «Ну, князь, Генуя и Лукка — поместья фамилии Бонапарте...», — с возмущением говорила известная на весь Петербург

Анна Павловна Шерер князю Василию Курагину, приехавшему на ее вечер.

Но Лукка, какой бы ни была ее история, прекрасна даже в своей замкнутости. Неожиданно появляющиеся неправильной формы площади, возле маленьких церквей с причудливыми фасадами террасы садов. Тесные мастерские, где женщины, такова традиция Лукки, расписывают яркими красками гипсовые фигурки мамелюков. Шумная жизнь торговых улиц, похожая на венецианскую. Говорят, вкус к купле-продаже в крови у «луккези» — жителей Лукки. Полюбили этот город и Монтэнь, и Байрон, и Шелли. Именно тут родился Пиноккьо — Буратино, которого задолго до А. Н. Толстого придумал чудесный сказочник Карло Коллоди.

Лукка — единственная «белая» провинция «красной» Тосканы. В этой провинции почти нет испольщиков, а крестьяне-собственники — такие католики, которых и в самом Риме считают святошами. Поэтому самые большие праздники — дни святой Дзитты и восхваления креста Господня. И поэтому Лукка — тосканский заповедник христианско-демократической партии. Правда, заповедник, в котором все чаще и чаще появляются другие охотники...

Мне вспоминается крестьянский праздник «маджо» в Баргаин-Карфаньяна — широкой долине, что разрывает на севере провинции Апуанские Апеннины. Спектакль, поставленный деревенскими актерами, — главная часть праздника. Сцена — луг. Кулисы и декорации — сосновые и оливковые ветви, воткнутые в землю. Зрители полукругом усаживаются на траву, а их задние ряды вынуждены стоять.

Реквизит и костюмы передаются из поколения в поколение. Яркие цветные платья и камзолы,

жестяные короны и деревянные мечи. Из поколения в поколение переходят и тексты. Переписанные от руки в толстые тетради, они датированы иногда XVII, а то и XVI веком. Действие длится целый день: настоящее испытание терпения зрителей и актеров. Тексты не читают, их произносят речитативом под аккомпанемент скрипки, ведущей мелодию почти на одной ноте.

А сюжет? Сюжет обычно один и тот же: невинность, которую преследует зло, порок и несправедливость. На травяной сцене движутся короли, принцы, рыцари, благородные дамы. И когда принцесса, которую обижал наглый соблазнитель, подняла атласную юбку и дала ему пинок, все женщины, присутствовавшие на спектакле, устроили бурную овацию. Вино тем временем повышало тонус спектакля. Актеры в самый разгар драматического действия вдруг покидали травяную сцену, чтобы выпить стаканчик красного или чего-нибудь покрепче. Уж не говоря о зрителях.

Это было забавно и немного странно для Италии, где совсем исчезли традиции народных зрелищ. Кто в Неаполе помнит тарантеллу? Итальянцы считают, что лучше всех исполняют се мисесвцы. Кто пытается возродить венецианские маскарады или римские карнавалы? Вот только сохранился театр марионеток на Сицилии да крестьянские «маджо» Лукки. Но и «маджо», кажется мне, умирает потихоньку. Роли влюбленных и рыцарей играли старики. Молодежь предпочитает телевидение или кино.

Но не умирают куплеты крестьян из Луккезии; перед спектаклем выкрикивали их, сочиненные тут же, парень и девушка. Я записал несколько строф...

«Тяжело крестьянину:
То туман, то град —
Ну не жизнь, а прямо ад», —

поет парень. Но разве только в этом беда крестьянина? С него кто может дерет три шкуры:

«Берут монахишники-подлизы
На свечку для святой Элизы.
Отцы Лучецко и Дзама
Мзды пагло требуют для храма.
Вноси на храм, плати палогн...
Так протянуть недолго ноги.
А не пора ли нам, ей-ей,
Всю эту свору гнать взащей?»

Вот тут-то овацию устроили не только женщины. Она была всеобщей. И думалось мне, что совсем не так проста ситуация в Лукке и ее провинции, где до сих пор ставят святым полупудовые свечи и почти все население деревень участвует в религиозных процессиях, но где с каждым годом растет число коммунистов.

КЛУБ ИМЕНИ «АВРОРЫ»

Стена из стекла никак не вяжется со старой-престарой площадью: крошечная часовня, дома, которым лет по двести, а то и больше, вековые деревья. И уж совсем кажется здесь необычным такой знакомый трехтрубный силуэт крейсера «Аврора», вписанный в красный с золотом круг и укрепленный возле этой стены-окна. За толстым стеклом — мельтешение людей, поднятые бокалы с шипучим вином, сжатые в рот-фронтском приветствии кулаки. Мужчины, женщины, дети. Ареццо — один из больших городов Тосканы — открывал на площади святой Агаты свой народный клуб.

Он устроился удобно, этот город, на склонах Казентинских гор, за перевалом, делящим воды Арно и Тибра, перед широчайшими горизонтами Вальдикьяна. Напрасно было бы копаться в его истории, разыскивая необычайные страницы прошлого: ни мужественной стойкости Сиены, ни неукротимой энергии Пизы вы здесь не найдете. Он подчинился красным флорентийским лилиям почти без борьбы, но церковные книги сохранили записи о том, что родились здесь поэты Петрарка и Аретино. Провинция Ареццо была родиной и Пьеро делла Франческа, которого современные искусствоведы считают центральной фигурой всей итальянской живописи; он написал две высокие стены суровой францисканской церкви Ареццо.

Но не вспоминали о былой славе своего города люди, собравшиеся в клубе «Авроры»: золотых дел мастера и швейники, трикотажницы и мебельщики. Наверное, их клуб будет самым красивым в этом городе. Зал, где можно устраивать собрания и танцевать. Еще один зал, который раздвижными стенами делится на четыре отдельных помещения. Бар, малюсенькая закусочная. На втором этаже — помещения федерации коммунистической партии и комсомола. Все продумано, рационально, современно.

На торжество открытия клуба пришел цвет трудового Ареццо. Мэр города, социалист, разрезал трехцветную ленту. Председатель провинциального совета, коммунист, произнес краткую приветственную речь. А товарищ Освальдо Диана, первый президент правления клуба, обратившись к собравшимся, напомнил, каких трудов стоило ареццким труженикам создать все это. Собирали лиру за лирой. Бесплатно работали на стройке. Ухитрялись по минимальным ценам

добывать нужное оборудование и обстановку.

— Вы помните, как выкачивали воду из подвала, как ставили стены и проводили свет? — спрашивал Диана. — И вы помните, как мы решили дать нашему клубу имя русского крейсера «Аврора»?

В Ареццо долго обсуждали, как назвать клуб. Предлагались сотни имен. Потом решили: назовем его именем «Авроры» в честь Советского Союза, в честь КПСС.

— Пусть наша «Аврора» тоже ведет огонь по старому миру, прокладывая и нам путь в будущее! — воскликнул товарищ Алесси, секретарь федерации ИКП...

Ареццкая «Аврора» отправилась из этого сухопутного города в свое дальнейшее плавание.

— Она идет полным ходом вперед, — сказал товарищ Диана, — помогая нам крепить и расширять связи с массами, с теми, кто работает и учится.

Вот так, на старой-престарой площади тосканского города, который славится фресками Пьеро делла Франческа, появился силуэт балтийского крейсера.

ЛИЛИИ

НА СИРЕНЕВОМ ЗНАМЕНИ

Флоренция... Видя краснеющие купола Санта Кроче и Сан Лоренцо, задумываешься над сложной и превратной судьбой этого города, над его великолепной жизнью и славой его бесчисленных гробниц. На свое золото он содержал императоров и королей. Его банкиры становились

папами, а их дочери и племянницы — королевами. Его художники, скульпторы, архитекторы работали при дворах вельмож; они строили Московский Кремль, писали картины по заказам французского двора; художественные школы, рождавшиеся во Флоренции, становились законодательницами для всей Европы.

Как теперь все это безнадежно далеко! Наше время живет по другим меркам; сместились пропорции, и Флоренция, прекрасная и неповторимая, потеряв ореол своего величия, стала простым областным городом, где, если и диктуют моды, так только на трикотаж да дамские сумки. Естественно, ни у кого не возникает мысль, повернув вспять историю, пытаться искусственно вернуть городу его былую значимость. Нет, совсем не об этом толкуют итальянцы. Они хотят помешать и городу, и его провинции, и Тоскане, центром которой он является, обезлюдеть, разориться, погибнуть, превратившись в музей, пусть великолепный, в курорт, пусть уникальный. Они стремятся, учитывая необходимость промышленного развития, нового строительства и расширения города, сохранить его облик, сложившийся в «золотые века».

В докладе, подготовленном «Союзом тосканских провинций», я прочел такие строки: «Мы больше не можем ждать. То, что происходит у нас, является отражением ситуации, сложившейся во всей стране, и следствием ее. Новые и старые проблемы связаны в тугой узел. Они наслаиваются одна на другую, из временных превращаются в постоянные, из местных — в национальные. Наше экономическое и социальное положение ослаблено крушением многих подпорок, делается более трудным. И мы не в со-

стоянии определить, откуда же будет нам нанесен еще один тяжкий удар».

Откуда? И какой? То ли будет это международный валютный кризис, подобный краху доллара в 1971 году, нанесшему колоссальный ущерб мелкой и средней индустрии — текстильщикам, ювелирам, кожевенникам, резчикам, стеклодувам, тем, кто производит самые изысканные товары для экспорта в Соединенные Штаты. То ли новое, постоянно ожидаемое наводнение, подобное тому, которое обрушилось на город и всю Тоскану ноябрьской ночью 1966 года...

О, это наводнение. Я хорошо помню его, ибо попал во Флоренцию через день после того, как обрушились на нее воды Арно.

...Грязь жидкая и вонючая. Осторожно вытаскиваю одну ногу в резиновом, выше колена, сапоге, ищу опору, стараясь не поскользнуться, потом другую. Медленно, не дай бог оступиться, пытаюсь пересечь площадь возле базилики Санта Кроче. Солдат в маскировочном халате, с автоматом через плечо, дирижирует уличным движением. Машины поворачивают вправо — там дорога чуть расчищена, а нам, пешеходам, дозволено идти куда глаза глядят. На секунду полицейские освобождают проход в заграждении из колючей проволоки, чтобы пропустить людей. Нефть, мазут, гниющие трупы животных, карболка создают такую гамму запахов, что комок подкатывает к горлу. На перекрестке работают желтые скреперы и грузовики. Белые наклейки на кабинах: «Муниципалитет Болоньи». Города, где у власти стоят левые силы, прислали Флоренции свою помощь первыми...

4 ноября 1966 года 250 миллионов кубических метров воды, принесшие 450 тысяч тонн грязи,

смешанной с нефтью, превратили 750 флорентийских улиц и площадей в бесконечное вонючее болото, выпотрошив лавки, магазины, бары, уничтожив почти тысячу домов, мастерские, фабрики, стройки, заводы.

— Пятнадцать минут, всего пятнадцать минут, — повторяет, словно в забытьи, старуха, завернутая в старое солдатское одеяло. Она стоит возле черной от мазута дыры, которая накануне была лавкой дамского трикотажа. Женщины, осторожно вскрывая коробки, пытаются в огромном корыте отмывать тонкие нейлоновые и шерстяные ткани. На ветру сушит дамские сумки и чемоданы посиневший от холода, небритый, но в белоснежной рубашке, мужчина. Двое мальчишек тяжелыми скребками расчищают тротуар. Несколько движений — минутка отдыха. Им трудно, этим малышам, которые ходят, наверное, в третий класс, самое большее. Сейчас они работают, как взрослые: учеба в школах возобновится не раньше чем через месяц.

Пьем кофе из бумажных стаканчиков при свечах: электроэнергию еще не подают. Популярное на всю Европу кафе на площади Республики вывернуто наизнанку; раньше по вечерам гремела здесь музыка и нарядные толпы туристов заполняли столики. Кроме металлической стойки да кофеварки, ничего от него не осталось. Но кофе по-прежнему ароматный и крепкий.

— Наш хозяин — это клиент. Наводнение — лишь деталь, — говорит отутюженный и выбритый бармен, ловко поджаривая на керосинке вымоченные в вине сухари. У крытого рынка, где до ночи шумела пестрая толчея тех, кто приходил за сувенирами — сумками и зонтиками, изделиями из соломки и дерева, — отчаяние и разрушение. На тележке свалены грудой выта-

щенные из воды соломенные шляпки. «Купите! Помогите!» — лиловые чернильные буквы криво бегут по картону, прибитому к тележке. На понте Веккио копаются в грязи десятки людей. Славился этот мост своими ювелирными лавками — многим из них по пятьсот-шестьсот лет. Арно взломала стенки лавок, построенных вдоль моста. Разминая пальцами вонючую жижу, ищут ювелиры то, что пощадила вода.

— Находите что-нибудь? — спрашиваю.

— Процентов пять того, что мы имели, — отвечает худой парень с красными от бессонницы глазами.

Впрочем, не все ювелиры понте Веккио разорены. Богачи укрыли золото и драгоценности в надежных местах и почти не пострадали. Добра своего лишился в основном мелкий люд...

Перебираюсь через мост. Улица Сан Якопо. Когда-то останавливался здесь Федор Достоевский. Дом, где он жил, тяжело пострадал. Сохранилась только мемориальная доска. Ищу знакомого переплетчика. В прошлом году он показывал мне в своей мастерской сафьяновый переплет старинного кодекса. В разодранных водой стенах я даже не могу найти то место, где находилась мастерская.

— Где массимо? — спрашиваю полицейского. Он пожимает плечами.

— А где дом 42?

Он опять пожимает плечами.

А вокруг грязь по колено, развалины, смятые, искореженные автомобили, залитые водой подвалы и этот преследующий тебя по всему городу тошнотворный, одуряющий запах. От него невозможно спрятаться. Возле оптового рынка солдаты армейских частей работают в противо-

газах. И нам приходится прикладывать к лицу смоченные в одеколоне носовые платки.

А в голове вертятся строки из сонета Лапо Джанни, поэта XIII века:

«Слепой Амур, как женщину мою,
Я Арно терпкий аромат люблю...»

На мосту Рубаконте, восстановленном после нацистских взрывов, убраны перила. Или, может, река их снесла? Самосвалы сбрасывают отсюда в воду то, что было частью городской жизни. Автомобильный руль и спинка кровати, ящик гнилых фруктов и оконный переплет. И книги, книги, книги. Все пережеванное, смятое, исковерканное водой, покрытое мазутом и грязью.

Горы такого мусора лежат вдоль тротуаров. Экскаваторы захватывают своими ковшами остатки бывшего благополучия, дают их, сваливая в грузовики. У автоцистерн длинная очередь. Терпеливо, часами, ждут флорентийцы питьевую воду. Ее привозят издалека военные автомобили. Городской водопровод почти не работает. «Кипятите всю воду!» — призывают плакаты, расклеенные на улицах. — «В санитарном центре, который переместился в бенедиктинский монастырь, производится вакцинация против брюшного тифа. Преимущество предоставляется детям».

На площади Синьории — сердце Флоренции — десятка два голубей. Остальные погибли. Засохшая грязь на ступеньках лоджии. Черные пятна мазута. Служитель муниципалитета щеткой оттирает вмонтированный в мостовую кусок белого мрамора: на этом месте сожгли бешеного монаха Савонаролу, поднявшего руку на Рим и власть папы. А статуи на месте — вода не до-

бралась до них. У ворот палаццо Веккио — старинного дворца Медичи, где помещается муниципальный совет, — снова очередь. «Аллювионати» — те, кто пострадал от наводнения, ждут помощи. Кто лекарство, кто буханку хлеба, кто ордер на жилье. Два шага в сторону, к музею Уффици, наверное, одному из самых богатых музеев мира. Автобус с номером города Ареццо. Бесчисленные пирамиды книг, вытащенных из подвалов Национальной библиотеки. Они свалены в портиках на брезентовых подстилках. Раскрываю одну из них: городской архив 1845 года. Еще одна книга в переплете из телячьей кожи: склеившиеся страницы, которые вряд ли сумеют раскрыть даже специалисты.

— Это молитвенник XII века, — говорит парень в заляпанной по шею спецовке. Человек сорок работают около музея, разбирая книги. Они, университетские студенты, приехали из Ареццо, чтобы помочь флорентийцам. — Что будет с библиотекой, ума не приложу. Вот разгружаем подвалы и склады архива. И конца не видно. Чтобы восстановить одну книгу, нужен месяц, если не больше. В таком состоянии по крайней мере тут двести тысяч томов. Если нам не помогут, все может погибнуть.

Он снова принимается за работу. На третьем этаже в ящик из-под овощей бросают книги, доставленные туда из хранилища, которое имеет только внутренние лестницы. Ящик подвешен к веревке, укрепленной на блоке. Студенты осторожно вынимают книги и укладывают их в стопки. Другая бригада, выстроившись цепочкой, грузит их в подъезжающие грузовики. А неподалеку ведется счет потерянным картинам. Флоренция — город-музей. Наводнение нанесло этому музею неисчислимые потери. Вода повредила

1211 картин, сотни скульптур, 2 миллиона книг, старинные музыкальные инструменты, гобелены, античное оружие и мебель. Часть из них можно восстановить. Но есть такие картины, скульптуры и гобелены, которые теперь утрачены. В угрожающем состоянии — бесценное распятие художника Джованни Чимабуэ (XIII век), оказавшееся под шестиметровым слоем воды, залившей собор Санта Кроче. («После темных лет, когда нескончаемый поток бедствий обрушился на Италию, — писал Джорджо Вазари в своих «Жизнеописаниях наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих», опубликованных в 1550 году, — родился во Флоренции, дабы возжечь первый свет к искусству, Джованни по фамилии Чимабуэ»).

Я долго стоял на площади Дуомо, рассматривая порталы баптистерия, поврежденные водяным потоком, изуродованные стены, превращенный в труху мрамор. В город входили новые воинские части. Казалось, по его улицам и площадям прошла военная буря и оставила после себя следы разрушения. А за военными грузовиками ползли экскаваторы, скреперы, бульдозеры, посланные демократическими муниципалитетами: красные с серпом и молотом флажки на радиаторах и наклейки: «Модена», «Реджо-Эмилия», «Феррара»...

Очень тяжелый ущерб понесла Флоренция как город искусства. Но еще больший — люди, разоренные, без работы, с очень туманными перспективами. Я пережил с флорентийцами маленький кусочек их горя: помогал грузить книги, расчищать улицы, откачивать воду из подвалов. Я почевал в Народном доме Рифреди, куда был перенесен комитет провинциальной федерации компартии: старое здание полузатопле-

но. Роберто Мармуджи, секретарь федерации, не спит уже трое суток.

— К нам идут сейчас все, — рассказывал он. — Знают, что на коммунистов можно положиться, что они всегда придут на помощь.

Мы вздремнули, устроившись поперек составленных вместе столов. Потом пришла Сандра из Народного дома Сесто Фиорентино. У них там тоже трудно, но вынести можно. Расставляем вдоль коридоров койки для бездомных. Потом Сандра берет гитару и тихонько напевает. Мне кажется, что люди начинают даже улыбаться. Хотя, наверное, так только кажется. В соседних комнатах идут летучие совещания. Атмосфера прифронтная. Пятиминутная дискуссия, и группы рабочих-коммунистов отправляются туда, где особо нуждаются в их помощи. В кофейне знакомимся с парижскими товарищами. Они ждут грузовики, которые везут из Франции одеяла, одежду, лекарства, продукты питания, посланные флорентийцам французскими коммунистами. Наша помощь — широкая, добрая, бескорыстная — начнет поступать недель позже: все-таки далеко СССР от Италии...

Тоскана нуждалась в те дни буквально во всем. Крестьянам присылали семена, машины, скот. Ремесленники потеряли инструменты, сырье, полуфабрикаты. Рабочие лишились места, а следовательно, и зарплаты. Товарищ Сгерри из руководящего комитета федерации ИКП приходит в себя после пятой чашки кофе (кофе да вино — единственные «продукты питания», которые можно было тогда купить во Флоренции).

— Помощь нам поступает отовсюду, — говорил он. — Наши кооперативы понесли колоссальные потери. Разрушены 60 Народных домов — центры культурной и политической жизни.

Десятки и десятки тысяч людей лишились буквально всего. Кто поможет нам, если не братья по классу, не такие же трудящиеся, как и мы?

Во Флоренции я видел трагедию народа, вызванную не только стихийным бедствием, но и бездумьем, безразличием центральных властей. Я видел горе и трагедию, но не отчаяние и не панику. Город похоронил своих мертвых. Город перестал плакать. Город работает. Он научился видеть истинных друзей. Он понимает, что нужно действовать вместе, плечом к плечу — коммунисты и католики, социалисты и беспартийные. Политика коммунистической партии, которая зовет к единству, стала единственно возможной, единственно приемлемой.

Еще Петрарка писал о Флоренции: «Тут не гнездо ли Феникса живого?» Она всегда возрождается. И полученный в борьбе со стихией политический опыт забыть невозможно.

Сиреневые знамена с красными лилиями рядом с трехцветными национальными. Факелы в узких окнах палаццо Веккио. Подсвечена Лоджа деи Ланци. Во Флоренции официальное торжество. Премьер-министр вручает городу золотую медаль «За гражданскую доблесть» — высшую награду республики в мирное время. Мотивировка проста и понятна всем флорентийцам: они возродили город, вернув ему былой блеск и былую славу. После наводнения я был там не один раз. Никаких следов прошедшей трагедии, лишь темная линия у вторых этажей домов — отметка, показывающая, куда доходила вода. Как и прежде, элегантны и строги улицы (улицы Флоренции — сонет, Рима — мадригал, говорил один мой флорентийский друг), нарядны и

изысканны магазинные витрины, любезны и ненавязчивы жители. В ноябрьские дни 1966 года они спасали сокровища искусства с такой же самоотверженностью, с какой спасали собственное имущество.

Профессор Умберто Бальдини, заведующий реставрационными мастерскими «Фортецца да Бассо» — им поручены основные работы по восстановлению картин и скульптур, — с гордостью говорил мне, что все, что повредила вода, будет возвращено к жизни.

— Прежний блеск возвращен уже почти семистам картинам. Осталось самое трудное: спасение распятия Чимабуэ, которое считали погибшим окончательно, некоторых настенных росписей и картин на досках, — рассказывал профессор. — Полностью приведены в порядок 400 000 томов наиболее редких книг. Их уже можно читать. А ведь они были превращены в бесформенные комки, пропитанные нефтью. Тут нам еще работы лет на десять осталось...

В базилике Санта Кроче, древней и суровой церкви францисканцев, тяжело пострадали фрески Джотто и Таддео Гадди. («Величайшее благодеяние... сделал Джотто, заменив в искусстве живописи непонятную и непризнанную никем манеру — и признававшуюся разве только грубейшей — манерой прекрасной, легкой и приятнейшей, понимаемой и признаваемой всеми, кто знает толк и обладает хоть каким-либо суждением», — писал Джорджо Вазари, флорентиец. На страницах его книги я нашел такие строки, которые читались под несохранившейся росписью Гадди во дворце Мерканциа веккья:

«Таддео звался тот, кем сделана работа,
Учителем его был добрый мастер
Джотто».)

Если росписи Джотто в Санта Кроче сумели реставрировать на месте, то «операция» по спасению «Древа жизни» Таддео Гадди оказалась невероятно сложной. Сначала роспись отделили от стены, на которую она была нанесена еще в XIV веке; потом закрепили на новой подкладке из искусственных полистироловых смол.

— Операция эта чрезвычайно необходима и, главное, абсолютно оригинальна, — утверждал профессор Бальдини. — Потом возникли сложности с реставрацией фресок Фра Анджелико в монастыре Сан Марко. Краски вздыбились мельчайшими кратерами, которые взрывались из-за появления кристаллического гипса. Мой коллега использовал для ликвидации этих кристаллов разработанный им органический состав, изменявший химическую структуру гипса. Три года шла работа. Теперь роспись Анджелико полностью реставрирована.

Доспехи и старинное оружие восстанавливали в Вене, мебель — в Англии, гобелены — во Франции. Вот только не сумели реставрировать здесь то, чем живет Флоренция — ее экономику. «Беда остается, — прочитал я такие строки в журнале «Эпока». — Ее не заметишь, гуляя по флорентийским улицам. Речь идет об экономическом положении: оно нетвердо и лишено равновесия, что вызывает плохое настроение флорентийцев. Говоря по правде, никто не ожидал, что ноябрь 1966 года будет таким долгим. И не просто долгим. Проблемы делаются все более глубокими».

Во Флоренции сейчас вновь можно прочитать старые книги и ноты, где первая называется еще не «до», а «ут». Можно купить дорогое (и не очень) кольцо на понте Веккио в лавках ювелиров. И снова заглянуть в подзорную трубу Галилея, которую спасла, разыскав ее под двух-

метровым слоем грязи, Мария-Луиза Ригини Бонелли, директор музея истории науки. Многое возможно в возрожденном городе. Нельзя только предсказать его будущее.

«Черные тучи заходили на Флоренцию с юго-запада, неся тяжелые дожди, — писали газеты в тот день, когда премьер-министр к лилиям сиреневого знамени прикреплял золотую медаль. — Куда делись те миллиарды лир, которые были отпущены на приведение в порядок бассейна Арно, чтобы предупредить возможные наводнения, для строительства плотин и дамб? И были ли вообще ассигнованы эти деньги? Или все обернулось очередным невыполненным обещанием центральных властей? Во всяком случае, никто не может гарантировать Флоренцию от новых катастроф».

Ни Флоренцию, ни Венецию, ни десятки других городов, ни Агридженто с его античными греческими храмами, ни Пизу с ее башней, ни острова Капри, Монтекристо и Джаннутри, захлестнутые спекуляциями...

В начале нашего века английская писательница Вернон Ли (ее настоящее имя Вайолетт Паджет) отмечала в очерке «Искусство и страна», что существует «особый дух Тосканы». «Страна холмистая и гористая, в одно и то же время обильная речными долинами, часто плоскими и широкими, как равнины; горные цепи, разделяющие и образующие ее, разнообразны, как только это возможно: кристаллические гребни Каррары, размытые хребты и откосы высоких Апеннин, повторяющиеся в рядах более низких отрогов, и, наконец, густые цепи холмов между Флоренцией и Сиеной... Все собрано в ясные, гармоничные, всегда меняющиеся группы». Она считала, что именно географическая структура

и пейзаж оказали одно из самых решающих влияний на бурное развитие живописи, скульптуры и архитектуры Тосканы в эпоху Возрождения. Вряд ли такую точку зрения Вернон Ли можно принять целиком: географический фактор важен, но не всеобъемлющ. Но каток нивелировки прошел и по тосканским землям. Что нынешнему капитализму до Ренессанса и породивших его факторов, в том числе пейзажа, если, ломая и уничтожая их, можно получить большие прибыли?

— Сердце сжимается, когда смотришь сейчас на Флоренцию; воздух, пропитанный едкими заводскими дымами; бездумье анонимной застройки окраин, стискивающей историческую часть города в своих безжалостных объятиях; гибнет под ударами земельных спекулянтов знаменитый тосканский пейзаж, составляющий единое целое с архитектурой города. И только купол Брунеллески еще сопротивляется этому раку, разъедающему флорентийское тело.

Это слова одного из самых известных итальянских архитекторов, профессора Лионелло де Луиджи.

Знаменитый ученый, профессор истории искусства Флорентийского университета считает, что старый город должен, обязан найти свое место в современности:

— Флоренция имеет все возможности для расширения, для развития. Но зачем убивать так глупо и абсурдно ее историю? Вы знаете, что произошло с ливанскими кедрами? Их осталось всего 400... Понимаете, четыреста! Боюсь, что конец скоро придет и тосканскому пейзажу. Поговаривают, будто «Хилтон», американская гостиничная компания, собирается соорудить свое цементное чудище на окрестных холмах.

— Пять веков подряд Флоренция оставалась одной и той же. В последние сто лет она расширилась в пять раз. Процесс естественный, нужный: город нельзя запаять в консервную банку. Но его развитие необходимо планировать и, строя новое, думать и о том великом, что оставили нам в наследство предки, и о том, как передать это нашим потомкам. Я не уверен, что мы сумеем выполнить такую задачу, — говорит профессор архитектуры Эдоардо Детти, слова которого я записал на пленку. Несколько лет подряд он отвечал в муниципалитете за градостроительство.

«Умирающая Флоренция» — такое выражение употребил профессор Детти, касаясь сложных, по его мнению, проблем, ведущих к параличу городской жизни. Будущее городов, будущее Флоренции становится вопросом политического выбора. Коммунисты, социалисты, левые католики вместе — одно из главных непереносимых условий глубокого преобразования Италии.

ИЗУМРУДНОЕ СТЕКЛО

Я хочу рассказать об одном тосканском городе, где прошлое и настоящее шагают одной дорогой. Называется этот город Эмполи. До сих пор гадают историки, откуда произошло это имя. Ворошат старые карты, доказывая, будто он — чуть ли не ровесник Рима. Впрочем, найдется ли в Италии город, патриоты которого не утверждали бы, что в те далекие времена, когда Ромул и Рем еще сосали свою волчицу, именно у них был расцвет цивилизации? Старинные же хроники свидетельствуют, что в 1015 году го-

родские стены и самые большие здания Эмполи были скрыты по приказу капитанов Пизы, ибо бунтарский дух эмполийцев не давал житья правителям этой почти пиратской республики. И уже совсем знаменитым стал Эмполи в XVI веке: горожане под предводительством Франческо Феруччи жестоко разгромили отряды испанских солдат, которые пришли в Тоскану, чтобы задуть Флорентийскую республику...

В ожерелье городов Тосканы — Эмполи не самый знаменитый, если, конечно, признаком знаменитости считать остатки этрусских построек или памятники раннего Возрождения. Хотя, между прочим, Дворцу гибеллинов на площади Фарината дельи Уберти лет четыреста.

Туристы не балуют город своим вниманием. Но трудно найти место в его гостиницах и пансионатах, а движение по 35-километровому шоссе, что связывает Эмполи с Флоренцией, совершенно бешеное. Эмполи — город-работяга: несколько десятков фабрик и заводов, мастерские, склады.

— Рабочий класс составляет большинство жителей, — рассказывал секретарь зонального комитета коммунистической партии, по-нашему райкома, товарищ Чезаре Николаи.

Эмполи называют «красным» городом «красной» Тосканы. Эмполийские коммунисты — самая влиятельная политическая сила города. 7,5 тысячи человек насчитывает местная коммунистическая организация. А на выборах — муниципальных или парламентских — за кандидатов ИКП голосуют 60—65 процентов избирателей. И еще одна деталь: когда в январе 1921 года была создана в Италии коммунистическая партия, одна из ее первых организаций возникла именно здесь. Секретарем был избран Спартак

Лаваньини. Через три дня во Флоренции он был убит чернорубашечниками. Теперь одна из улиц города носит имя героя-коммуниста, отдавшего, как написано на мемориальной доске, свою жизнь борьбе за то, чтобы «социализм восторжествовал и на этой земле».

Рассказывая о недавнем прошлом Эмполи, его старожилы не забывают напомнить, что был он всегда цитаделью антифашистской борьбы, что у его стен, на его улицах не раз рабочие отряды громили фашистских «сквадристов», пытавшихся подавить организации трудящихся. Они никогда не забывают и о том, что лучших своих сыновей и дочерей послал Эмполи в партизанские отряды для борьбы против нацистских оккупантов. Но это — прошлое. А настоящее?

Спускается вечер. Светятся магазинные витрины, неон реклам, нет свободных мест на автомобильных стоянках. Вдоль центральной улицы, вечерами закрытой для транспорта, два людских потока: по одной стороне — девушки, прелестные эмполийские девушки, а по другую, им навстречу, — парни. Такова традиция этой прогулки — «пасседжаты». Тут знакомятся, назначают свидания. Мелькают знакомые лица. Вот с этими парнями я разговаривал в обеденный перерыв в автомастерской. А вот этих девчат видел во дворе фабрики, где делают фиаски.

...Вряд ли кто не слышал о чудесном итальянском вине. Подобно тому, как в старину на Руси всех иностранцев звали немцами, ныне некоторые соотечественники, пишущие об Италии после недельного налета на эту страну, все вино Апеннинского полуострова называют кьянти. На самом деле кьянти — только одна из многих сотен винных марок. В Риме даже заседает специальная государственная комиссия, чтобы вы-

яснить, какие же вина все-таки производятся в этой стране. Она заседает не первый год, но конца ее работе пока не видно. Славу итальянскому вину принесло не только содержимое бутылок, но и сами бутылки: узкогорлые, пузатые, заплетенные в соломку. И называют их фиасками. Зеленое стекло, из которого делают фиаски, ценится не только в Италии, но и за ее пределами. Оно так и называется «эмполийским». Зеленое оно не потому, что туда добавляют красители, а от песка, который имеется только здесь.

Витторио Мори, директор фабрики фиасок, вместе со своей администрацией принимал меня в своем, прямо скажем, не слишком комфортабельном кабинете: голый кирпич стен, болтающаяся на шнурке засиженная мухами лампа да пара скрипучих стульев.

— Денег нет. Все вкладываем в производство, — говорит товарищ Мори. Дело в том, что фабрика эта кооперативная. Создали ее выброшенные на мостовую рабочие-стеклодувы, создали по инициативе коммунистов.

— Мы прошли через очень трудные годы; у нас не было оборудования, денег на зарплату, банки не давали кредита. В общем, и вспоминать не хочется. Но разве не понимали рабочие, что без жертв они не смогут выстоять в конкурентной борьбе с частным капиталом? Ведь здесь мы все коммунисты. И женщины, что оплетают фиаски, и девушка-табельщица, и механик за рулем погрузчика, и погонщик мула, который доставляет фиаски в горы, куда не проехать грузовику.

Славу Эмполи создают, конечно, не только и не столько фиаски. С недавнего времени город стал серьезным конкурентом знаменитого Му-

рано, одного из бесчисленных островков, на котором стоит медленно погружающаяся в море Венеция. Муранские мастера веками охраняли секреты своего солнечного стекла, передавая их только близким родственникам — от прадедов к правнукам. Эмпольицы не засылали лазутчиков к муранцам, не подкупали и не сманивали тех, кто был падок на звонкую монету и не прочь был бы продать фамильные тайны. Просто мастера из Эмпольи разработали свою технологию и свои рецепты варки стекла и начали делать вазы, бокалы, лампы, люстры совсем не хуже, чем муранские.

Большинство фабрик художественного стекла тоже кооперативные. А возникли они так же, как и кооператив «фиаскеттари»: увольнения, безработица, и как реакция на это — инициатива коммунистов.

— И трудности были те же, — рассказывал нам президент кооператива товарищ Баньоли. — Сейчас от заказчиков нет отбоя. Особенно много их в Соединенных Штатах. Там пошла мода на наши изделия. Они долларов не жалеют, мы их долларов тоже. Парадокс, не правда ли?

Пусть читатели, однако, не думают, что в Эмпольи — все предприятия кооперативные. Это, к сожалению, не так. «Красный» город живет и работает в буржуазной стране по капиталистическим законам. Но на частных предприятиях другие порядки: жестокая эксплуатация, несправедливость. Особенно на швейных фабриках. Работа тяжелая и низкооплачиваемая, хотя прибыли у хозяев — немалые. Особенно зверски эксплуатируют надомниц: им уж совсем приходится туго.

У города сотни проблем. Его синдак, мэр, товарищ Марио Ассирелли, принял меня в здании, которому не менее двухсот лет. Широкий, без

единой бумажки стол, городской штандарт на стене, высокие резные кресла.

— Город наш маленький, — говорит мэр, — всего сорок две тысячи жителей. Был он раньше центром сельскохозяйственного района: кьянти, зерно, оливковое масло да карликовые мастерские стеклодувов. После войны, казалось, все пошло прахом. Даже мастерские, не находя сбыта, начали закрываться. На этой основе и родились в Эмполи рабочие кооперативы. Стеклодувы теряли работу. Тогда мы предложили им объединиться и начать производство на кооперативных началах. Попробовали, и дело пошло.

— Тебе рассказывали, — продолжал он, — как трудно было поначалу? Рассказывали. Так вот, сейчас есть у нас десяток кооперативных фабрик и мастерских с очень совершенным производством. Наша главная проблема — борьба с монополиями. Муниципалитет, где мы имеем большинство, выдвинул для этого ряд предложений. В частности, мы решили создать широкое объединение кооператоров и мелких предпринимателей, чтобы совместно, поддерживая друг друга, выстоять в конкурентной схватке. Муниципалитет построил специальный выставочный дворец для рекламы изделий местной промышленности. Ну, естественно, в нашей компетенции налоговая политика, детские сады и ясли, спорт, городское хозяйство, всего не перечтешь. Тебя интересует, что мы сделали? Видел наш стадион?

Стадион я действительно видел: оборудованный по последнему слову спортивной техники, элегантный и удобный, он вмещает 20 тысяч зрителей. Рядом — Дворец спорта, где проходят даже международные соревнования. Тут же плавательный бассейн, теннисные корты, баскет-

больные и волейбольные площадки. В Италии многие большие города не могут похвастаться таким спортивным комплексом.

— Почти все школы в Эмполи построены с участием нашего муниципалитета. А потом мы провели еще одно решение: освободили от налогов ипольщиков и большинство рабочих. Раньше аграрии и промышленники вносили в кассу муниципалитета 18—20 процентов налогов, а остальное драли с бедняков. Теперь платят, в основном, богачи. Конечно, вы знаете, муниципалитеты в Италии не являются автономными. Все их решения и проекты должны быть утверждены в префектуре государственными чиновниками. Сколько наших проектов было блокировано, отменено, замариновано!

Маленький город Эмполи. Но разве можно называть маленькими дела, которыми вершат там коммунисты?

ПО ПРОСЕЛКАМ ЭМИЛИИ

После тосканской вязи Эмилия может показаться скучной и однообразной, будто канцелярский почерк. Чуть всхолмленная равнина иссечена ирригационными каналами и речками-переплюйками. Через Рубикон, знаменитый Рубикон, который отделял Юлия Цезаря от власти и который он перешел со своим любимым и верным тринадцатым легионом в ночь на 10 января 49 года до н. э., можно перепрыгнуть без очень больших усилий. Только на севере, где прижимаются друг к другу Эмилия, Ломбардия и Венето, разбросала свои берега По. «Отец По» — называют итальянцы эту реку, широкую, силь-

ную, но удивительно коварную и капризную. На их языке слово река — мужского рода.

Вокруг полей лесные полосы. Виноградная лоза заброшена на деревья, и осенью, когда подходит время сбора винограда, черные гроздья неожиданным украшением повисают на тополиных ветвях. Нет в Эмилии, да и, пожалуй, во всей Италии того, что принято у нас называть село или деревня. Живет крестьянский люд совсем по-иному. «Паэзе» — то, что на русский мы переводим деревня, на самом деле не имеет с ней ничего общего, кроме классового состояния жителей. Вокруг города, а город выросал обычно возле каменного феодального замка, разбросаны хутора и отдельные поселки. С административной точки зрения, город, хутора, поселки называют коммуной, а хутора и поселки в отдельности — фракционе. Делами коммуны управляет муниципальный совет, его исполнительный орган джунта и синдак. И вот часто бывает так, что эти самые фракционе, где живут крестьяне, итальянцы, батраки, подчинены промышленному центру, где, в свою очередь, могут жить люди, обрабатывающие землю. Если же учесть при этом, что нет в Италии таких гигантских расстояний, как наши, то может показаться, будто так перепуталось городское и деревенское население, что уже не поймешь, где кончается город и начинаются крестьянские поселки. Впечатление это усиливается тем, что система обслуживания и сервиса в Италии одинаковая, что в городе, что в деревне, примерно одни и те же товары имеются в крестьянских лавках и больших универсальных магазинах.

Эти пояснения необходимы, чтобы лучше понять, как живет итальянская деревня.

...У двухэтажного крытого черепицей дома ма-

шина остановилась. Эмилио Дебби, тогдашний секретарь федерации ИКП города Модена, привез меня в батрацкий кооператив Кастель-франко.

— Ты думаешь, легко батракам достался этот кооператив? — спрашивает он. — Э, нет. Понадобились годы борьбы с властями, полицией, хозяевами, банками, прежде чем они создали то, что ты видишь.

Большой каменный коровник на 130 голов скота, виноградники, поля кукурузы, кормовых трав и пшеницы возникли там, где еще десять лет назад были болота. Ценой невероятных жертв, отказывая себе во всем, работая ночами (днем они выходили на помещичьи поля: надо же чем-то питаться), батраки осушали землю. Им помогали рабочие профсоюзы, кооператив каменщиков, местная интеллигенция. Вместе с ними, батраками-коммунистами, были все коммунисты округа.

И вот теперь у них есть 50 гектаров великолепной земли, которая принадлежит всему коллективу, всем 120 членам кооператива. С гордостью бывшие батраки (они называют себя иногда «колкозиани» — колхозники) показывают нам свое хозяйство. Четыре трактора, сенокосилки и сноповязалки, машины для поливки виноградников, электромоторы, качающие воду, маленькая ремонтная мастерская. И, главное, скот отборной датской породы. Сейчас стоимость кооперативной собственности оценивается почти в 200 миллионов лир. Право, это много, если учесть, что они начали практически с нуля. Жить тоже стали лучше. Не очень, но все же. Получают среднюю батрацкую ставку на основе национального трудового соглашения, утвержденного профсоюзами. Прямо скажу, не густо.

Правда, в конце года происходит распределение части доходов кооператива, тех, что не вкладываются в производство. Получается еще что-нибудь около 70 лир за час работы. И опять-таки не густо. Иногда у помещика можно заработать больше. Так что же составляет силу кооператива, что держит батраков вместе?

— Земля без частного собственника и труд не на хозяина, — отвечает на мой вопрос Эмилио Дебби.

Самое главное состоит в том, что внутри капиталистического общества складывается новый тип собственности на средства производства, новый тип производственных отношений.

— У нас нет хозяев. Над нами не стоит помещик или предприниматель, нас частник прямо не эксплуатирует. Да, мы живем при капитализме со всеми его законами — экономическими и социальными. Однако в таких кооперативах, как наш, — а здесь их пять — мы видим реальную возможность уже сейчас готовить почву для социализма, конкретно воздействовать на умы крестьян, на их мышление. Частной собственности на землю и средства производства мы противопоставляем собственность коллективную. Если хочешь, такие кооперативы представляют собой опору будущего социализма в деревне, становятся проводниками идей коммунистической партии не на словах, а на деле. Крестьянин ведь должен сначала пощупать, прицениться, а лишь потом сделать вывод — хорошо ли, плохо или так себе.

Это дословная запись того, что сказал товарищ Риги, председатель правления кооперативного винного завода, пайщиками которого состоят 3000 крестьянских семейств. Риги — коммунист, агроном, большой знаток виноделия.

— Важно, кто руководит кооперативами, — продолжал он. — Они могут быть орудием реформистов. Они могут быть и революционным фактором. У нас в провинции Модена почти всеми производственными, сбытовыми и иными кооперативами руководят коммунисты. Именно членов ИКП выбирают крестьяне на ответственные посты в своих объединениях. И там, где появляется кооператив, трещат по швам клерикальные организации, а на выборах за компартию начинает голосовать гораздо больше людей, чем раньше. Кооператив — это наше оружие в борьбе против монополий и помещиков, это один из реальных центров власти на местах, вокруг которого объединяются широкие слои итальянского народа.

Примо Ронкалья лично не знал Риги, но он сказал мне те же слова. Похожий внешне на бравого солдата Швейка, этот эмилианский крестьянин говорит только на местном диалекте.

— Эй, — кричит он сыну, — тащи-ка сюда кувшин с вином, да с тем, хорошим, что не на продажу.

Я с трудом понимаю его, прибегая временами к помощи переводчика на итальянский.

Выбрасывает пену из бутылки рубиновое «Ламбуско», немного напоминающее наше «Цимлянское». Примо режет сыр, неторопливо отхлебывает вино. Прошел этот усач долгий путь. От батрака перед первой мировой войной до исполщика в тридцатые годы и до хозяина 10 гектаров собственной земли — сейчас. 10 гектаров земли — 12 человек семья.

— Как ты стал хозяином? — спрашиваю.

— Продавалась земля. Я попросил займы денег у «Кассы для создания мелкой собственности». Есть у нас такая государственная орга-

низация. Не дали. Я в банк. Прошу кредит. Говорят, денег дадим, но под семь с половиной процентов. Видал грабителей? Но деньги взял. Купил землю-то. Стал хозяином. Смешно: Примо Ронкалья хозяин! Хозяин-то, конечно, всему банк, а я владею собственной парой башмаков.

Примо — член ряда кооперативов: скотобойного, молочного, по сбыту продуктов и приобретению семян. Он твердо уверен, что без них ему бы пришел конец. А вообще, считает он, надо объединяться в большие хозяйства. Только так можно отстоять свою крестьянскую независимость в борьбе с богачами.

Много в Эмилии крестьян-собственников, которых жизнь толкает на такой путь. Конечно, не сразу, постепенно, без спешки, осторожно выбирают они из скорлупы единоличного хозяйства. Тут часто приходится идти по нехоженным тропинкам, набираться опыта на каждодневной практике, искать свое, оригинальное решение важнейших сельскохозяйственных проблем. Не научных, а социальных, экономических, человеческих. Коммунисты в Эмилии думают, анализируют, ищут. Ну, разумеется, проще было бы ждать будущего: «Вот наступит социализм, тогда и решим все». Но останавливаться, ждать нельзя. Уже сегодня, сейчас, не откладывая, надо готовить основу для этого будущего, чтобы легче было потом, чтобы многое, что так трудно давалось другим, оказалось бы более простым для них. Как сочетать индивидуальные интересы крестьян в капиталистическом обществе с интересами кооператива? Где искать возможности для преодоления, да еще в капиталистических условиях, частнособственнических инстинктов крестьянина?

Жизнь ставит перед партийными кадрами Эмилии сложные вопросы. Находят ли они ответы на эти вопросы? Не на все еще, но на многие находят. Тысячи крестьянских семей Модены сошлись на том, что надо искать новые формы совместного хозяйствования. Вот так, опираясь на советы коммунистов, на свой собственный опыт, пришли многие к образованию так называемых «общественных скотных дворов».

Что же собой они представляют? Представьте себе, что в условиях жесточайшей конкуренции капиталистических хозяйств крестьянину становится невыгодным держать в собственности десяток голов крупного рогатого скота. Молодежь в коровник не заманишь, наемная рабочая сила крестьянину не по карману, а самому не справиться. Да к тому же и просто экономически невыгодно держать десяток коров. Дохода не приносят. Сами все проедают.

Предложили тогда эмилианские крестьянские вожаки-коммунисты такой вариант: отказаться от собственности на коров, сдать их в общий фонд и создать на этой основе большое современное скотоводческое хозяйство. Но без капиталиста, без помещика.

— Подходит? — спрашивают у крестьян. Мнут-ся, не знают. Потом нашлось несколько смельчаков. — Ладно, давайте попробуем, — говорят.

И попробовали. Сначала все общественное стадо состояло из двадцати пяти голов — коровы, телята, при этом непородистые. Пригласили на работу опытного зоотехника и нескольких скотоводов-специалистов. А председателем — так уж повелось в этих краях — избрали коммуниста.

Но стадо создать оказалось гораздо проще, чем найти формы управления хозяйством. Здесь-

то и началось самое трудное. На какие средства строить коровники? Как распределять доходы? Какими должны быть отношения собственности в этих товариществах? Кто будет заниматься сбытом продукции?

Прежде всего было твердо решено: те, кто сдает свой скот в общественное стадо, автоматически теряют на него все права собственности. Это был шаг вперед и немалый. Крестьянин в капиталистической стране добровольно и бесплатно отказывался от собственности, от своего, кровного, нажитого в тяжком труде! Все члены кооператива обязаны поставлять — и без оплаты — основную массу корма. Кредиты добывали с невероятным трудом: немного заняли в банках, чуть-чуть дало государство через финансовые органы так называемого «зеленого плана»*, а основные капиталы — кто сколько мог — внесли кооператоры.

Через несколько лет я вновь побывал там. Несколько современных коровников, построенных по последнему слову сельскохозяйственной техники. Племенной скот («Старый почти весь выбраковали. Купили новый — в Голландии, Дании, ФРГ, — с гордостью сообщает председатель. — Сам ездил покупать»). Шведские кормокухни и автодоилки. Максимальная механизация труда. Самое широкое использование маленьких тракторов с прицепами, электромоторов — в общем последних достижений зоотехники.

— У нас сейчас 700 дойных коров и около 1000 голов мясного скота, — говорит председатель.

---

* Правительство план по оказанию финансовой помощи крестьянству.

Хозяйство это теперь крупное, покоящееся на солидной научной основе. Притягивает оно к себе интерес и внимание подавляющего большинства крестьян, даже тех, кто не вступил в кооператив и вступать пока не собирается. Приходят сюда, смотрят, читают отчеты, считают, дотошно расспрашивают обо всех мелочах. Не хочу сказать, будто все сразу после знакомства с цифрами и фактами подают заявления о вступлении в кооператив. Сомнений у крестьян всегда полная голова. Живут они не на изолированном острове: против кооперативов, против коллективного ведения хозяйства ведется в стране серьезная борьба, и экономическая, и пропагандистская. Но новые формы ведения хозяйства, идея коллективной собственности на землю, скот, сельскохозяйственные машины завоевывают себе тысячи и тысячи верных сторонников.

Не все, повторяю, сразу вступают в хозяйство такого типа; оно считается в Модене одной из самых высоких форм крестьянского объединения. Начинают с малого: с участия в кооперативе по закупке семян. Отсюда прямая дорога к коллективному винодельческому заводу, куда крестьяне сдают виноград во время его сбора, получая потом готовое вино и деньги, к молочной фабрике и сыроварне, к мясному комбинату. Не подумайте, что речь идет о каких-нибудь дрянных деревенских фабричках, где все или почти все делается вручную. Эти кооперативные заводы и фабрики — предприятия, оборудованные самой передовой техникой. Мясной комбинат «АССО» около Реджо-Эмилии снабжает колбасами, ветчинами, свежим мясом несколько провинций. Молочный завод в Модене управляется электронной машиной. Масло, молоко, сыр, молочные продукты с маркой «Джилъо», произ-

водимые кооперативными предприятиями, можно найти в самых заброшенных деревнях Италии. А во главе всех этих заводов и комбинатов, фабрик и сыроварен стоят, как правило, коммунисты.

— Собственность эмилианских кооператоров оценивается в миллиарды лир, не меньше, — свидетельствует товарищ Морселли, крестьянский руководитель из Сан-Марино (это не экзотическая республика с красивыми почтовыми марками, а пригород Карпи, города, где сосредоточено 40% производства трикотажных изделий всей Западной Европы). — А здесь у нас вообще без кооператива — ни шагу. Есть в Сан-Марино и общественные коровники, и коллективные виноградники, и кооперативные сыроваренные заводы. Нашим крестьянам земля просто так не нужна. Что им земля? Трактор купить — монополия ФИАТ. Удобрения — монополия «Монтэдисона». Продать свои товары — опять же тресты. В таких условиях иметь землю само по себе еще ничего не означает. Другое дело, когда мы объединяемся, когда бьем не растопыренными пальцами, а крепко сжатым кулаком. Тогда дела начинают идти лучше. Объединенные ресурсы крестьян — это уже сила, с которой приходится считаться. Да при этом учти, за нами — партия.

Мы беседуем в просторном зале Народного дома Сан-Марино. Мы — это десятка три местных товарищей да я. Для этой встречи парни специально надели красные рубашки и написали приветственный лозунг: кажется, я был тут первым из советских граждан. Народный дом в Сан-Марино, без преувеличения, великолепен: внешне он похож на московский кинотеатр «Россия» в миниатюре. Современная строгая архитектура, бар, кооперативный магазин, помеще-

ния для партийных и профсоюзных организаций. Для населенного пункта с 1800 жителями Народный дом является центром всей общественной и культурной жизни.

«Если делать, так только отлично, по-новому, как требует сегодняшней день, используя самые последние достижения, самые смелые проекты, самые передовые формы». Я бы именно так синтезировал сотни разговоров на тему «почему», «как», «зачем», которые пришлось мне вести с кооператорами Эмили. Я не имею в виду только архитектурные формы или достижения строительной техники. Есть вещи гораздо более сложные, чем строительство Народного дома или закупка племенного скота. Решать политические задачи куда труднее, чем производственные.

В Сассуоло около 30 тысяч жителей. Маленький, но растущий город, где за год население увеличивается на полторы-две тысячи человек за счет иммиграции, где за коммунистов голосует 40 с лишним процентов избирателей. Нет в этом городе ничего, что привлекло бы внимание туристов или любителей искусства. Сассуоло не значится в туристских путеводителях. Но иностранная речь звучит на его улицах, в его гостиницах и конторах, не умолкая. Именно здесь сосредоточено более половины итальянского производства керамической плитки, которая идет на облицовку стен и полов. Вкус и фантазия художников, качество их изделий — вот что привлекает сюда покупателей из-за границы: почти вся керамическая плитка Сассуоло идет на экспорт в США, ФРГ, Англию, Францию, Скандинавию.

Но, повторяю, город маленький, куда меньше подмосковной Балашихи. Между тем кооперативный магазин Сассуоло может украсить и ули-

цу столицы. Он занимает целый этаж только что построенного дома, и знатоки утверждают, что торговая техника применяется в нем самая что ни на есть авангардистская.

В конторе меня принимает Джузеппе Дзини, коммунист, директор магазина. Все, что написано дальше, — пересказ его беседы.

— Ты видишь наш магазинище? А ведь у нас здесь еще 12 торговых точек. Как ты думаешь, мелкие и средние торговцы довольны? Нет, конечно. У нас и быстрее, и дешевле, и лучше. Что же мы, кооператив, где большинство пайщиков коммунисты, должны разорять их, создавая трудности? Нет, дело обстоит по-иному. Наша цель не только в том, чтобы поставлять членам кооператива и всем жителям дешевые и качественные товары. Наша цель сложнее. Кооператив, подобный нашему, должен стать — и в Сассуоло он становится — центром, вокруг которого объединяются мелкие торговцы. Объективное развитие толкает их к такому решению. Могут ли они — каждый в одиночку — выдержать конкуренцию с крупными фирмами? Нет. А мы им говорим: «Вступайте в наш кооператив, сохраняя свои лавчонки. Давайте вместе искать пути и возможности конкурировать с торговыми компаниями». Опираясь на силу организованного рабочего и крестьянского движения, они могут выжить в конкурентной борьбе. А для нас, коммунистов, это является реальной формой создания нового блока классовых сил, к которому зовут решения наших съездов.

Мы уже создали кооператив пекарей, мелких торговцев. Таким образом мы осуществляем на деле союз рабочих, крестьян и средних слоев. Поэтому, когда мы говорим об итальянском пути к социализму, мы, в частности, имеем в ви-

ду создание на местах центров реальной народной власти с помощью различных форм объединений в борьбе против господства монополий, за социализм.

Не надо, разумеется, думать, будто путь кооперативов легкий и безболезненный. Они живут и развиваются в рамках капиталистического общества, где командные высоты находятся в руках монополий, оказывающих глубокое влияние на политику и экономику страны. И неудивительно поэтому, что большой бизнес отнюдь не добрым взглядом смотрит на левое кооперативное движение. В Италии не забыли попытку правого правительства Шельбы разрушить кооперативы, поставить их под контроль полиции и государственных властей. Тогда попытка эта провалилась. Но и сейчас реакционеры нет-нет да вытаскивают на свет божий разные планы подрыва этого движения, в котором они видят опору левых сил, один из приводных ремней коммунистической партии. У кооперативов, повторяю, нелегкая жизнь. Трудно с кредитами, дают банки, очень сложно получить государственную помощь на основе существующих законов. Поэтому случается и так, что не выдерживает кооператив безжалостной конкуренции крупных торговых компаний и терпит поражение. Но разве остановят эти трудности итальянских коммунистов?

ИДУТ ДОЖДИ В ФЕРРАРЕ

Яблони кажутся распятыми. Стволы тонкие, ласковые, а кроны плоские, будто сдавленные прессом. «Пальметта» — так называют садоводы

этот метод выращивания фруктов, нашедший широкое применение у нас в Молдавии.

— Ухаживать проще, да и солнце достается одинаково всем плодам. Поэтому они одинаковые, словно бильiardные шары, — объясняет Микеле Рива из «Крестьянского союза». Тридцать километров трясемся по проселкам — разбитый асфальт, глина, щебенка, но садам нет конца. Деревья выстроились ровными шеренгами бесконечного парада. Они подступают к обочинам дороги, плотно обтекают проселки и хутора и уходят, прячась в тумане, за горизонт — туда, к морю, к белым пляжам Адриатики. Я не представлял себе, чтобы на сравнительно небольшой площади было собрано столько садов. Яблоневых, грушевых, персиковых. На полянах между деревьями — земляника и клубника.

Провинцию Феррара, что рваным прямоугольником вытянулась от устья По до предгорий Апеннин, называют фруктовым садом Италии. Каждый год там снимают яблок почти столько же, сколько в целой Франции. Отсюда лет двадцать с лишним назад сады двинулись к северу, югу и западу. Феррара стала как бы эпицентром этого наступления фруктовых деревьев. Конъюнктура была исключительно выгодной. Изголодавшаяся после войны Западная Европа требовала фруктов. Их искали и покупали там, где дешевыми оказывались рабочие руки и где за гроши продавались тонны. Крестьяне, исповещники переставали сеять пшеницу и кукурузу и, залезая в долги, сажали фруктовые деревья. Начинали практически с нуля. Ну, а теперь? 110 000 гектаров — площадь садов, занимающих феррарскую землю и земли соседних провинций. Ежегодно почти 25 миллионов центнеров фруктов производит эта земля, где еще совсем недав-

но огромные пространства занимали болота и топи.

А блистательную Феррару — главный город княжеского дома д'Эсте — называют теперь яблочной столицей. И там, где рождались стихи «Неистового Роланда», где Цезарь Борджа, внимая советам Макиавелли, выдумывал один за другим и все несбыточней планы объединения Италии под своей рукой в единое государство, нынче, будто поэтические строки, читают и изучают биржевую котировку на фрукты.

От их урожая, от спроса на яблоки, клубнику или персики зависит многое — очередной взнос за купленный в рассрочку инвентарь, за построенный в кредит дом, учеба детей, новые туфли жены и т. д. В деревенских остериях, где подают вино с терпким клюквенным привкусом да сыр, крестьяне говорят в основном о фруктах. Новые сорта и погода, сколько дадут перекупщики за центнер яблок и пойдут ли нынче белые персики. Странно, но на местном диалекте персики звучат почти по-русски: «персег».

За центнер персиков — калиброванных и равномерно розовых, но нередко безвкусных, как веник, — дают гроши. Это сказано не для красного словца. Летом 1970 года сотни тысяч центнеров персиков были раздавлены тяжелыми катками. Неожиданно высокий урожай — проклятье здешних мест (уж лучше недород) — так сбил оптовые цены, что крестьянину продажа стала невыгодной. Да и покупателей не было.

Тяжелые катки давили плоды; стекал в канавы, мешаясь с дорожной пылью и землей, персиковый сок. Под ногами чавкала желтая сладкая каша. А самосвалы выбрасывали под чугунные колеса новые и новые горы фруктов. Я никогда не видел раньше такой безумной вакханалии

уничтожения, как не видел крестьян, вырубающих собственные сады.

Человек взмахивает топором. Деревце вздрагивает, мгновение еще стоит и падает, раскинув ветви. Рядом ложится второе, третье, целый строй, будто пехотинцы, погибшие под пулеметами. А человек, сделавший это, плачет. Я забыл его имя. Может, Франческо, может, Флавио.

— Десяток лет назад вот этими руками, — и он протягивает их мне почти в лицо, — я сажал персики. Теперь я рублю их. Легко?

Конечно, трудно. Кто не понимает? Франческо или Флавио — феррарский крестьянин — вынужден уничтожать то, что сделал сам. Дерево срубить просто: несколько взмахов топора. Как трудно его посадить и вырастить! А он плачет и рубит. Сад перестал кормить его семью. Разумеется, уничтожение садов не стало массовым. Нельзя считать, будто конъюнктура на фруктовых рынках окончательно опрокинула монокультуру феррарской деревни. По миру пошли лишь самые маленькие производители. Те, кто покрупней, еще держатся, хотя становится им все трудней.

Темистокле Болдини за пятьдесят. Большой человек, для такого придуман бас, он неожиданно говорит тоненьким голоском, часто сбиваясь на феррарский диалект. Тогда требуется переводчик. Прожив десяток лет в Италии, я так и не научился понимать звенящий говор здешних мест, в котором не только произношение, но и сами слова нередко меняют смысл. Там, где житель других провинций скажет «лира», называя свою монету, феррарец говорит «франк».

Всю жизнь Темистокле занимался фруктами. Батрак, испольщик, а вот теперь у него собственная земля. Целых восемь гектаров сада.

— Залез в чертовы долги и купил ее в пятьдесят седьмом у одного помещика, — вспоминает он.

Привел меня в его дом мой знакомый, коммунист Микеле Рива.

— Интересный мужик, думающий. Не пожалеешь, — убеждал он. — Главное, он — то самое зеркало, заглянув в которое, ты увидишь и поймешь процессы, происходящие в нашей деревне.

Двухэтажное строение. Внизу кладовка и кухня. Наверху — жилые комнаты.

— Ваше?

— Если бы, — отвечает. — Мне платить за это лет пятнадцать, может, больше.

— Ну и заплатите?

Он пожимает плечами. Жена ставит на стол тарелки с красными, будто лакированными яблоками, консервированные домашним способом персики, графин вина.

— Этот сорт яблок называется «империале». Попробуй, товарищ. Такие мы только себе оставляем.

Таких яблок, действительно, мне не доводилось есть никогда. Нежные, ароматные, истекающие соком.

— Заплатишь? — повторяю я.

Опять пожимает плечами. Разве может человек, выращивающий сейчас в Италии фрукты на продажу, знать, что произойдет через год или через два, не то, что через пятнадцать. Скорее, по-моему, рискуют те, кто дает кредит под фрукты, а не тот, кто берет. Крестьяне, да и их кредиторы помнят, что случилось с цитрусовыми плантациями Фонди возле Неаполя, когда на местный сорт апельсинов вдруг упал спрос: банкротство, разорение, продажа с молотка и самая черная нужда. И отчаянные протесты — го-

ры апельсинов, выброшенные на шоссе под колеса автомобилей, столкновения с полицией, демонстрации перед муниципалитетом. В Вероне под колеса автомобилей выбрасывали персики, в Турине в реку выливали молоко, в Ломбардии резали молочный скот. Суть одна и та же: «Невыгодно, не кормит больше земля». Вырастить и собрать центнер яблок или персиков обходится часто куда дороже, чем потом продать их оптовому закупщику.

Даже бешеная инфляция, захватившая Италию, при которой мясо или, скажем, хорошие фрукты становятся роскошью, для крестьянина оборачивается трагедией. Он-то дополнительно ничего не получает от подорожания своей продукции: рост цен ему безразличен, ибо в Италии, как и в соседней Франции, крестьянин сам ничего не продает. Там нет того, что мы называем колхозным рынком и где производитель может сам продавать выращенное или созданное своим трудом. В Италии все, что производит крестьянин, становится, как правило, достоянием оптовика. Цены никогда не бывают постоянными. Они устанавливаются в зависимости от спроса и предложения на внутреннем и внешнем рынке, качества продукции, кредитов. Львиная доля доходов от продажи фруктов, не менее 80 процентов, в конечном итоге, минуя крестьянина, оседает у оптовиков, в сейфах кредитных учреждений. Вот им-то и выгоден рост цен. Помню, в Террачине, в сотне километров к юго-западу от Рима, за килограмм помидоров перекупщики давали две лиры, десятая часть тогдашней цены коробка спичек, а в столичных магазинах они продавались в сто раз дороже.

Все то, что вы сейчас прочли, может быть, и грешит несовершенством экономического анали-

за, отсутствием достаточно ясных связей явлений и причин их возникновения. Но я не ставлю своей целью составление точного и научного экономического трактата. Просто я пересказал записанные на пленку мнения Темистокле Болдини и десятков таких, как он, которые, конечно же, знают экономику не теоретически, а практически. Им приходится платить проценты по банковским кредитам, вести переговоры с оптовиками, делать взносы за дом, купленный в рассрочку, за инвентарь, машины, удобрения.

Итальянский крестьянин теряет надежду. Иногда пуще налогового инспектора он начинает опасаться обильного урожая. Богатый урожай неизбежно ведет к падению закупочных цен. И вот парадокс: бегство из деревни усиливается в особенно урожайные годы.

Только ли итальянский крестьянин теряет эту надежду?

Франсуа Ренье из Сен-Парду л'Ортижье, во французском департаменте Коррез, живет от Темистокле Болдини примерно в тысяче километров. И хозяйство у него побольше, и направление иное: мясо-молочное. Вот только убеждения у них одни и те же: Франсуа, как и Темистокле, — коммунист, да и проблемы во многом схожи. Сходство усиливается тем, что Сен-Парду — кусочек «красной» Франции: тут коммунисты находятся у власти с 1944 года.

...Дом построили на самом высоком месте. Мы стоим у перил балкона. Второй этаж, а кажется, будто смотришь на землю с птичьего полета. Внизу — зеленое стадо холмов.

Дубовые и каштановые рощи разделяют поля. Почти незаметно рощи переходят в сады.

Скоро станет темно. Товарищ Ренье осторожно, чтобы не обидеть гостя, позевывает в кулак.

Ему за семьдесят. Грузный, тяжелый, седоусый, он работает, как и полвека назад, с рассвета до заката. Вместе с ним встали чуть свет все мужчины дома: Андре, взявший в жены его дочь Раймонду, и внук, которому уже шестнадцать.

Время такое, что нельзя терять ни часа. Оранжевый «Рено» — маленький трактор, специально приспособленный для лоскутных участков, тащит сенокосилку. Скошенную траву укладывают ровными рядами. Вечером к трактору прицепят пресс-подборщик, и он превратит сено в плотные, увязанные веревкой кубики.

В Сен-Парду л'Ортижье я прожил десять дней. Как-то вечером на своем растрепанном стареньком «Пежо» привез меня сюда Анри Бушарель, секретарь ассоциации «Франция — СССР» города Брив и оставил на попечение семейства Ренье.

— Поживи, посмотри, что такое крестьянская Франция, — сказал Анри.

Франция открывала незнакомую для меня грань. За полтысячи километров к северу — Париж, прижавший к себе половину страны, заводы, министерства, парламент, ателье художников, модные лавки. К югу и западу, где-то там, далеко за горбатой линией горизонта — Средиземное море и Атлантический океан. А тут, среди мягких холмов, расчерченных редкими дорогами, среди хуторов жизнь, казалось, замерла, остановилась. Наверное, вот так же, как сейчас, деды и прадеды Ренье разбавляли картофельный суп — неизменную крестьянскую еду — красным вином (это называется «делать шаброль»), усаживаясь за стол, вынимали из карманов складные ножи (только женщинам и гостям положены специальные, столовые), вместо тарелок раскладывали пищу на длинные куски хлеба,

отрезанного от плоского каравая. Как и десятилетия назад, раз в неделю женщины ставили тесто и выпекали хлеб из собственной муки, чтобы не ходить в лавку и сэкономить несколько лишних франков...

В доме Ренье я понял, насколько ошибочно это впечатление, которое складывается под воздействием спокойной природы и веками устоявшегося уклада.

— Французская деревня меняется на глазах, — рассказал мне Пьер Праншер, секретарь федерации ФКП Корреза, член Центрального Комитета. — Происходит процесс, обратный тому, который имел место в прошлом веке.

И действительно, тогда земельная собственность дробилась. В 1835 году во Франции было чуть более 10 миллионов землевладений, а через 50 лет их стало почти 15 миллионов. Теперь это выглядит так: ежегодно исчезает в этой стране 52 тысячи крестьянских хозяйств. «Каждые три минуты сельское хозяйство Франции покидает один земледелец», — писал журнал «Экспансьон». И сейчас 15 миллионов хозяйств превратились в полтора миллиона.

— В нашей округе было два шатлена (в переводе с французского — помещика, хозяина замка). Одного звали граф Сен-Парду, а другого — шевалье де Жобер, — поясняет товарищ Ренье. — Потом землевладельцев стало больше сотни. Ну, а теперь каждый год становится их все меньше. Крестьяне бросают землю и уходят в город. Сейчас в Сен-Парду остается все меньше людей.

Товарищ Ренье знает все, что происходит в поселке, где он живет всю жизнь. И неудивительно. Несколько лет подряд его, коммуниста

с 1944 года, выбирали здешним мэром. Коррез вообще департамент левый, говорит он.

Мне иногда трудно разбирать речь мэра. Забывая, что перед ним иностранец, он часто переходит на патуа, диалект здешних мест, который и французы-то далеко не все понимают.

А речь идет о тех же крестьянских делах.

— У меня земля хорошая, породистые коровы, сад (в прошлом году мы продали 60 тонн яблок), трактор, — слова Ренье падают медленно, будто удары маятника старинных часов, что стоят в его доме. — И все равно жить становится не вмоготу. Урожай у нас тут более или менее стабильный. Но вот цены, по которым мы продаем то, что производим, стабильными никогда не бывают. Это самая страшная вещь для крестьянина. Мы никогда не знаем, что получим.

Мелкие и даже средние хозяйства разоряются. Что же касается крупных, работающих на капиталистической основе, то их число растет и прибыли не сокращаются. 30—40 гектаров земли, 20—25 коров на семью в животноводческих районах уже не дают гарантии избежать разорения, остаться на поверхности. Это трагическая реальность французской деревни, с которой сталкиваешься, едва переступая городскую черту. Об этом говорили десятки людей, с которыми довелось встречаться мне в департаменте Коррез.

Еще десяток лет назад во Франции, как и в Италии, многие крестьяне ждали, что вот, наконец, отладится «Общий рынок», станет свободным экспорт, падут таможенные барьеры и все сразу станет на свое место. Ну, быть может, не все сразу, но какая-то часть проблем будет решена.

Действительность оказалась иной. «Общий рынок» принес выгоды только большим капиталистическим хозяйствам, поставившим производство мяса, молока, зерна, сахарной свеклы на промышленные рельсы. Их продукция, поступающая на внутренние и внешние рынки, стоит гораздо дешевле, чем продукция мелких хозяйств. А так как рыночная цена одинакова для всех, то получается, что только сельские капиталисты имеют хорошие доходы. Простой же крестьянин, когда в конце года подсчитывает, что дал ему поистине тяжкий труд, обнаруживает полупустой карман.

— Куда девать наши яблоки? — спрашивает Ренье. — Ну куда? Для продажи за границей они дороги, а здесь мне дают за них жалкие сантимы. И, кроме того, иностранная конкуренция...

Коррез почти не работает на экспорт. Но и тут чувствуют крестьяне, как давит на них «Общий рынок», подрывая возможности сбыта продукции, лишая их надежд на то, что в будущем дела пойдут лучше.

Есть ли выход из создавшегося положения? Да, есть, отвечают коммунисты.

— Прежде всего, мы считаем, — говорил товарищ Праншер, — что необходимо всячески развивать в деревне кооперацию. Это, собственно, уже делается во многих районах. Разумеется, очень сложный это процесс. Крестьянину особенно трудно ломать свою психологию собственника. Но делать это надо. Мы предлагаем также оказывать специальную помощь отсталым районам, увеличить ассигнования на благоустройство деревни, снизить цены на промышленные товары. Конечно, такие меры могут создать

условия для того, чтобы облегчить участь крестьянства.

Чуть свет, стуча деревянными сабо, спускается по лестнице мадам Ренье. Надо дать корм курам и уткам, поглядеть, что делается в хлеве. Через полчаса огромный черный пес по кличке Ита, слегка покусывая коров за ноги, выгонит стадо на дорогу. А еще через полчаса затарахтит мотор маленького «Рено», и мужчины двинутся в поле.

Феррара, в отличие от Корреза, работает на экспорт. Лучшие плоды, выращенные в ее садах, как правило, вывозятся в страны «Общего рынка». В разгар сезона местные газеты ежедневно печатают котировки итальянских фруктов на западноевропейских рынках.

— Вы читаете эти таблицы? — спрашиваю.

— Читаю, да так, больше для формы. Ведь сами мы ничего не вывозим.

— Как вы, крестьяне, смотрите на «Общий рынок»?

— Мы о нем не говорим, только разве на собраниях. Он нас не интересуется. Его не для нас создали.

— Почему не говорите?

— Лучше от него крестьянам не стало. Открытые или закрытые границы, есть пошлины или нет — нам все равно перекупщики платят мизерно. Сами-то мы ничего не экспортируем. Фрукты скупает оптовик или компания.

— Почему?

— Яблоки от 20 до 50 лир кило.

— Это же грабеж, — вмешивается Рива.

Темистокле согласно кивает головой. Действительно, грабеж. Те же яблоки в римских лавках на той же улице Распони продаются в четыре, пять, а то и в восемь раз дороже.

— Мы знаем твердо одно: надо объединяться. В кооперативы, что ли. Строить вместе холодильники, хранилища для яблок, фабрики по переработке фруктов. В одиночку не потянешь.

Болдини, как и Ренье, — человек не бедный. Со своих восьми гектаров он собирает полторы тысячи центнеров фруктов. По правительственному «зеленому плану» получил заем. Конечно, он гордится тем, чего добился вместе со своей семьей, работая от зари до зари, изучая и применяя на своем участке последние достижения агротехники.

Я видел у него и книги по агрономии, и труды Бербанка. Он расспрашивал меня о Мичурине и его практике.

И все же беспокоен Темистокле Болдини, беспокойны его товарищи и те, которые тут, рядом, в Ферраре, и те, кто трудится во Франции. Клочок земли кормит и даже приносит доходы, пока существует хорошая конъюнктура, пока способны они, специализируясь, выдерживать конкуренцию крупных капиталистических предприятий.

Болдини еще не начал, как его соседи, рубить деревья. Он не утратил надежду.

— У нас есть огромное желание трудиться сообща, — снова говорит он. — Только так мы можем бороться с трудностями. Мы хотим найти новые кооперативные формы землепользования и распределения. Вот наш простой расчет: капиталисту, у которого 160 гектаров садов, достаточно иметь инвентарь на 10 миллионов лир. У меня восемь гектаров, а инвентаря держу на четыре миллиона. Таких, как я, в нашей округе десятки. Разве это продуктивно? Мы должны объединяться.

Джованни Фарини о кооперативе и слышать не хочет. Зачем он ему? 57 гектаров земли, пять тракторов, батраки, которые работают на полях и в садах, получая за это натурой. Я разговаривал с ним прямо в поле, возле трактора, на котором он пахал землю. Синьор Фарини ворчит. Оказывается, самая большая его трудность вызвана тем, что батракам приходится платить зарплату, установленную профсоюзами.

— Слишком большая, — считает он. — А как без работников обойтись, когда в хозяйстве 50 коров и быков, когда надо копать сахарную свеклу, косить пшеницу? Урожан здесь высокие: 50—60 центнеров с гектара пшеницы, 450 — сахарной свеклы.

В старой гимнастерке, резиновых болотных сапогах, он ласково поглаживает трактор.

— Английский «Фергюссон», самый лучший, — хвастается, отвечая на вопросы неторопливо и в то же время резко.

Да, он ездит в Феррару слушать оперу. Благо город рядом и машина имеется. Да, он читает книги и даже имеет собственную библиотечку — вещь в малочитающей Италии чрезвычайно редкая. Вот телевизора нет, так как нет в его доме электричества.

— Все обещают провести. Может, бог даст, года через три.

А когда начинаешь копать чуть глубже, то оказывается, что вовсе не цена батрацких рук беспокоит Фарини, не вынужденная дележка с батраками. Самая главная проблема — земля, аграрная реформа. 30 гектаров из 57 не принадлежат Фарини. Он арендует их у флорентийского адвоката, который, имея лишние деньги, на черный день приобрел несколько участков. «Землю тем, кто ее обрабатывает» — этот лозунг при-

ходится по душе синьору Фарини, несмотря на его политические разногласия с левыми партиями.

— Дадут вам землю?

— Будем бороться — дадут, — отвечает твердо и уверенно.

Слово «борьба» для феррарской деревни привычное. В Иоланда ди Савойа батраки рассказывали мне, как ведут они уже не один год трудную схватку с капиталистами из аграрной компании «Ла Бонифика».

Мы сидим в деревенской кофейне. Мне повезло — идет нудный дождь, и батраки утром не работают: через осушаемые болота сегодня не пробраться. Но повезло только мне. Батраки потеряли рабочий день, а значит — дневную зарплату. Все вокруг Иоланды сделано их руками. Они пришли сюда, чтобы превратить болота в плодородную землю. Нет здесь семьи, которая не потеряла бы близких, погибших на работе, умерших от болезней, полученных в топях. Самая страшная из них — пеллагра. Она унесла тысячи жизней, ибо питались батраки только мамалыгой.

Слышишь ты шаги?

Это на работу

В топкие болота

Идут батраки... —

поется в старой феррарской песне.

Ну, а теперь? Землю, возвращенную к жизни их нечеловеческим трудом, отдали капиталистам: английским, швейцарским, своим собственным. Всем, у кого были капиталы. Батраков же с земли прогнали. Стоят заколоченными дома. Разваливаются постройки, гибнут без ухода деревья. Батраков остается совсем мало. Их труд заменили машины.

— Трудимся три месяца в году. Потом зубы на полку, — говорит Пьетро Виньола.

Синий берет, синяя изодранная спецовка, огромные солдатские башмаки.

— Что мы едим? Мамалыгу да картошку. Мясо — двенадцать раз в году, — добавляет его сосед.

Я не разобрал его феррарскую скороговорку и не успел записать фамилии. А по имени он Элизео. Старик в надвинутой на глаза серой шляпе, у которой, видно, раньше был совсем другой цвет, выхватывает у меня микрофон.

— Скажи, товарищ Владимир, своим, что мясо нам доктора запретили есть! Диета!

Все заговорили разом, и я уже ничего не могу понять. Опять выручает Рива. Чего же добиваются батраки? Им тоже нужна земля, нужна аграрная реформа. Но они не хотят ее в собственность — снова потом маяться на своем клочке. Они хотят кооперативной формы земледелия и землепользования. Это их программа-максимум. Программа-минимум — обеспеченная работа круглый год на основе профсоюзного контракта.

— В Ферраре аграрии — кремень, да и мы не мягче.

Действительно, борьба в этих краях, когда бастуют батраки, невероятно ожесточенная. Были времена, когда полиция и даже армейские части попросту оккупировали провинцию, ибо горели помещичьи дома, скирды, умирал недоенный и искормленный скот.

И вот, когда поговоришь по душам с батраками, мелкими крестьянами-собственниками, крупными арендаторами, становится понятным и тот водораздел, что разделяет их, и то общее, что связывает воедино. Руководители феррарской организации ИКП — с ее секретарем Антонио

Рубби мы давние друзья и не раз говорили на крестьянские темы — считают, что именно эта общность и совпадение интересов позволяют рассчитывать на создание в деревне единого фронта. Многие уже сделано. Многие сделать еще предстоит.

Феррара — город и провинция управляются левым большинством. В старинном замке д'Эсте (знатоки утверждают, будто этот замок определяет переход от по-военному суровой архитектуры средневековья к придворной элегантности Возрождения) работает товарищ Коста, мэр города, коммунист. Из окон верхних этажей открывается феррарская панорама. Справа широчайшей лентой пролегла По. Прижимаются к реке километровые цехи химических заводов. У причалов — ряды барж. С моря они доставили сюда нефть. А там, где кончаются заводские дворы, — снова поля и ряды фруктовых деревьев.

500 лет назад Феррара была сильным независимым государством. Не один европейский дом мечтал породниться с семейством д'Эсте. Здесь, в Ферраре, принимала Кальвина, готовясь отречься от католицизма, Рената Французская — любимая дочь Людовика XII Валуа и супруга герцога Эрколе д'Эсте. Тут, в монастыре окончила в 39 лет свою бурную жизнь Лукреция — дочь папы Александра VI, сестра Цезаря Борджиа, жена Альфонса д'Эсте. И не только богатства герцогов, военные удачи, дипломатическая ловкость, не только связи с папским престолом и французскими Валуа делали ее весомым фактором жизни Европы. Нет, не только это. Была она тогда одним из главных центров европейского Возрождения. Феррарская поэтическая школа: Ариосто, Боярдо, Торквато Тассо. Фер-

рарская школа живописи: Косма Тура и Франческо дель Косса, которых ставят рядом с Мантенья и Пьетро делла Франческа. Феррарская музыка: Джероламо Фрескобальди, быть может, первый композитор в нашем понимании слова.

А феррарская кухня? О, она вся удивительна и необычна, начиная от хлеба — безумно вкусного и вычурного по форме — и улиток, которых готовят с укропом, базиликом, чесноком и перцем, до удивительной «колбасы на подливке». Собственно говоря, это никакая не колбаса и нет при ней никакой подливки. Мелко искрошенной свининой, особым способом замешанной на красном вине и специях, начиняют кишки, придавая этому сооружению форму груши. Потом в течение года «колбаса» выдерживается под слоем пепла. Но это еще не все. Перед едой ее кипятят в воде долгими часами, как армянское «хаши» по ночам. Переварить такую колбасу столь же сложно, как приготовить ее. Знатоки утверждают, что сложности феррарской кухни объясняются французской изысканностью, вывезенной вместе с поварами из Парижа принцессой Ренатой и помноженной на простонародные обычаи феррарских крестьян и рыбаков. Ну, а они — снова легенда — свои традиции исчисляют тысячелетиями, называя их источником погребенный разливами По и болотами этрусский город Спина (VI век до нашей эры).

Маленький феррарский двор был первым и старейшим двором Италии. Г. В. Плеханов называл итальянских тиранов эпохи Возрождения «даровитыми и свободными от предрассудков». Он писал об их «упругой энергии», «холодном самообладании» и «бессердечии», о «властолюбии» и «беспредельной неразборчивости в средствах». Дом д'Эсте вписывается в эту картину.

Но в отличие от других династия д'Эсте свое генеалогическое дерево вырастила на рыцарской почве. И нет ничего странного в том, что из своих итальянских походов короли Франции унесли образ этого города, ставшего потом примером для подражания.

Башни города Феррары
Против ночи — бастионы.
Мягкий свет их — как подарок
Для поэтов и влюбленных, —

писал Джорджо Бассани, которого называют певцом Феррары.

А она жила и строилась в те, такие далекие, годы как город, созданный исключительно для герцогского дома д'Эсте, для его прихотей и нужд. Тогда Феррару не связывала ни заморская политика, как Венецию, ни флорентийская торговля и финансы, приобретшие общеевропейское значение, ни влияние Рима — папской столицы, жаждавшей стать единым центром тогдашнего христианского мира.

Прошлое Феррары — в каменной книге дворцов и соборов, в том едва уловимом, но совершенно определенном духе феррарской жизни, так отличном от соседней Болоньи, не говоря уже о Флоренции. Все здесь строже, точнее, резче — люди, их поступки, суждения, речь. Там, где у флорентийца рождается слово, — феррарцы действуют. Мне кажется, что они не признают полумер и полуслов. Они принимают тебя целиком или не принимают вовсе. Тут не существует дробей — только целые числа.

Столетия ватиканского господства (Феррара утратила свою самостоятельность в 1598 году и с тех пор входила в Папскую область, где римский первосвященник был верховным светским владыкой) приучили феррарцев к скрытности и

посеяли семена антиклерикализма, ненависти к духовному рабству и подчинению любым формам принуждения.

— Феррару нужно вкушать не торопясь, снова и снова возвращаясь сюда, живя вместе с ней. Это первое условие, чтобы постичь ее сдержанное очарование, аромат и остроту ее внутренней, часто невидимой посторонним жизни.

Флорестано Ванчини, кинорежиссер, истинный феррарец, ведет меня по улицам города. Он приехал из Рима искать натуру для своего нового фильма.

— Это будет фильм о любви в предвоенные дни 1939 года. А вот здесь когда-то были платаны и липы: их срубили в холодную зиму 1943-го, чтобы отапливать дома...

Я понимаю: повесть о прекрасной любви сам бог велел снимать в этом прекрасном городе, который называют первым современным городом Европы. В 1492 году, когда «Санта Мария» Христофора Колумба бросила якорь у берегов Эспаньолы, архитектор Биаджо Россетти, состоявший на службе герцога Эрколе д'Эсте, опередив свою эпоху, разработал первый в истории архитектуры органичный план градостроительства. Это был совершенно новый подход к городу как заранее планируемому целому, в котором заложены перспективы его развития. Он строил Феррару, как Бурбоны строили Версаль, а Петр — Петербург. Проложенный по плану Россетти проспект Эрколе д'Эсте поражает удивительной гармонией, я бы сказал, дозировкой архитектурных линий дворцов, открытых пространств и стен, за которыми прячутся парки, ширины самой улицы, которая, кажется, врезается в далекую синеву неба, растворяясь в ней.

Современность органично вошла в историческую ткань Феррары. И вы не найдете никаких противоречий между старинными улицами, где полтысячи лет назад кипела жизнь — меняльные конторы и мастерские ремесленников, лавки купцов и склады товаров, — и созданными в последние годы жилыми кварталами. Именно этот путь дальнейшего развития Феррары избрали хозяева города — ее левый муниципалитет. Новый план реконструкции, разработанный Карло Мелограни, должен стать не только планом экономического и социального прогресса, но также оружием защиты от варварства частных спекулянтов и безответственных застройщиков, оружием охраны этого чуда, которое через века пришло к нам, будто послание блистательного Возрождения.

— Самые срочные меры по охране города уже подготовлены, — это слова товарища Коста, тогдашнего мэра Феррары. — Скоро будет осуществляться и основной план. Феррара — часть Эмилии. Но она в то же время составная часть Италии, всей Европы.

Не только в Ферраре, во всей Эмилии идут дискуссии вокруг вопроса развития городов, вокруг того, как лучше сохранить исторические центры, вписав их в современность. Болонья положила начало этим страстным, глубоким и очень серьезным дискуссиям, за ней Римини, Кореджо, а теперь бывшая столица герцогства д'Эсте.

Коммунисты, движущая и руководящая сила «красной» Италии, организуя и направляя обсуждение этой проблемы, делают все, чтобы оно не замыкалось в рамках узкого круга специалистов, чтобы в нем активно участвовали трудя-

щиеся, особенно их органы самоуправления — советы кварталов. Для тех, кто живет среди старинных дворцов, на улицах, проложенных столетия назад, часто в домах, построенных в XV или XVI веке исторический центр города не представляется просто суммой культурных и художественных ценностей, пусть самых значительных и уникальных, которые надо сохранить для современников и потомков. Это место, где они родились, живут, работают, любят, рожают детей. Это их дом. И когда обсуждают они, что делать дальше, — мнение единодушно. Начиная с исторического ядра города, гарантировать современный сервис и стандарт жилья, восстанавливать и обновлять существующий жилой фонд прежде, чем строить новые кварталы, создавать возможности для широкого, постоянного строительства домов для народа. И прежде всего добиваться, чтобы люди труда не покидали центральных исторических районов городов, отдавая их богатым, не перемещались бы на окраины. Это первое условие сохранения и восстановления жизнеспособности старинных кварталов.

— Нам не нужны просто города-музеи, где удобно только туристам. Мы хотим, чтобы удобно было всем, — говорит товарищ Коста. — Не надо думать, будто в других провинциях и областях Италии не быют тревогу, глядя на гибель, на постепенный упадок и разрушение того, что досталось Италии в наследство. В Эмилии, Тоскане, Умбрии считают, что тревога, конечно, дело нужное и полезное. Но главное — действие. И именно тут, в этих «красных» областях показывают коммунисты свое умение хозяйствовать, руководить, опираясь на самые широкие трудящиеся массы, бережно и умело распоряжаться теми средствами, которые государство не очень-

то щедро ассигнует местным органам самоуправления, тем более левым. В американском журнале «Ньюсуик» мне попались такие строки: «Спросите у любого итальянского капиталиста старой закваски, что он думает о Болонье — седьмом по величине городе Италии, столице Эмилии. И, по всей вероятности, его ответ будет смесью восхищения и беспокойства. С одной стороны, Болонья считается одним из европейских городов, который управляется лучше всех, превращаясь постепенно в образец для градостроителей всех стран. Но, с другой — и в этом беспокоящая реальность — вот уже 30 с лишним лет подряд болонские избиратели доверяют коммунистам управление городом».

То, что сказано о Болонье, можно распространить на десятки других городов, возглавляемых представителями левых партий, коммунистами в особенности. И вот это умение управлять и его результаты в сложнейших условиях капиталистического общества делают из «красной» Италии действительно пример для всей страны.

— Самое опасное именно в этом, — шептал мне на ухо в одном миланском салоне человек, чье состояние не знает даже налоговая инспекция: он хранит свои средства в банках Лихтенштейна и Швейцарии. — Мне становится страшно, когда я думаю о будущем. А что, если красные окажутся и в римских министерствах? Нет, мы против любого левого сдвига.

— Я могу опубликовать ваше имя и ваше мнение?

— Ради бога, не надо.

Ему действительно было страшно. Поэтому я имени его не привожу: все-таки он торгует с нами.

СИНЬОР КРОТТИ САДИТСЯ В ЛУЖУ

«Восточный маг, всемирная слава, награжден золотой медалью. Рациональная метапсихика на службе ваших желаний. Советует, направляет в делах и в любви, облегчает страдания». Синьор Кротти из города Карпи, фабрикант и издатель, наверняка не читал этого рекламного объявления. Наверняка его нога не переступала порога дома номер 63 на неаполитанской улице Пиньятеска, где творил свои чудеса восточный кудесник с итальянским именем. В противном случае карпийский синьор не наделал бы столько глупостей, да к тому же за собственные деньги. Даже шарлатан с волшебной палочкой не дал бы Кротти столь неразумный совет и не толкнул бы его, опираясь на рациональную метапсихику, на нелепые поступки.

— Ты знаешь, каким влиянием в нашем городе пользуется партия, — говорит мне мэр Карпи. Мы сидим в великолепной столовой, которую в старинном замке открыл для жителей города местный муниципалитет: столовая кормит вкусно и дешево, она элегантна. — Так вот, — продолжает мэр, — синьор Кротти — у него большая трикотажная фабрика, работающая на экспорт, — решил разгромить нас и подорвать наше влияние. Метод, считал он, безотказен. За собственные деньги он решил организовать коллективные туристские поездки в Советский Союз для рабочих Карпи. Приедут рабочие в Москву, мечтал Кротти, увидят, что и там есть свои недостатки и трудности, разочаруются в коммунистах и немедленно отдадут свои голоса хри-

стианским демократам, а еще лучше — либералам или неофашистам. А чтобы довести результаты своих экспериментальных путешествий до жителей города, он основал журнал «Тутто Карпи»...

Ну и что же? Экскурсия состоялась. «Интурист» любезно предоставил группе из Карпи возможность познакомиться с нашей жизнью. Журнал «Тутто Карпи» опубликовал десяток фотографий, на которых были изображены московские женщины, не одетые в платья от Диора, и дома, не похожие на соррентийские виллы миллиардеров. В крупнейшем городском кинотеатре был подготовлен пропагандистский спектакль, по ходу действия которого синьор Кротти и его приятели произносили всякую антисоветскую чушь. Трикотажный фабрикант торжествовал. Самые солидные буржуазные газеты Италии разнесли по стране сведения о его инициативе, и он единодушно был провозглашен самым что ни на есть передовым борцом против коммунизма.

Потом пришли выборы. Когда подсчитали бюллетени, то оказалось, что коммунисты, и без того имевшие в Карпи абсолютное большинство, дополнительно получили два процента голосов. Весь город смеялся над Кротти. Однако фабрикант не сдавался. Он был упрям, как Катон. Было организовано новое туристское нашествие на Москву. И снова после возвращения был устроен пропагандистский спектакль. А потом опять прошли выборы. Избирательные комиссии, вскрыв урны, тщательно подсчитали голоса, отданные различным спискам. Синьор Кротти не спал две ночи, а затем уехал из неблагодарного города. Коммунисты выиграли еще два процен-

та. Теперь им отдали свои голоса уже 56 избирателей из 100, хотя в этом городе, утверждает мэр, число автомашин на душу населения не меньше, чем в Нью-Йорке.

На сей раз над Кротти смеялась вся Италия.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Охапка красных гвоздик	9
Заметки на полях	17
Открытое сердце Сиены	18
По телефону из Пизы	30
Холмы Тосканы	33
Сто ступеней в подземелье	43
Рикардо, Пеппе, Сильвано и девушка с малахитовыми глазами	46
Бульвар на бастионах	60
Клуб имени «Авроры»	64
Лилии на сиреневом знамени	66
Изумрудное стекло	80
По проселкам Эмилии	86
Идут дожди в Ферраре	98
Синьор Кротти садится в лужу	121

**В серии «Библиотечка АПН»
в 1979-1980 гг.**

**для советского читателя
выйдут:**

- А. Луначарский   Человек нового мира
- Л. Безыменский   Провал операции «Нептун»
- Э. Генри   Китай против Азии
- В. Коровиков   Эфиопия — годы революции

Владимир Ермаков

ОХАПҚА КРАСНЫХ ГВОЗДИК

Редактор О. Жилина

Художественный редактор Л. Хисиминдинов

Технический редактор Л. Колесова

Корректор Т. Неёлова

Технолог В. Руденко

Сдано в набор 2.7.1979 г. Т11995 Подписано в печать 10.9.1979 г.
Формат 70×90/32 Объем 4,0 печ. л., 4,68 усл. л., 4,78 уч.-изд. л.
Тираж 50 000 экз. Зак. 790. Изд. № 4767. Цена 25 коп.

Издательство Агентства печати Новости.

Типография Издательства Агентства печати Новости.
Москва, ул. Ф. Энгельса, 46.

Оханка
крас-
ных
гвоз-
дик

Владимир
ЕРМАКОВ

ОЧЕРКИ
И РЕПОРТАЖИ
ИЗ
ИТАЛИИ

Владимир ЕРМАКОВ начал журналистскую деятельность в 1948 году после окончания Московского государственного института международных отношений. Сначала работал на радио, затем с 1953 года в международном отделе газеты «Правда». Более десяти лет был собственным корреспондентом этой газеты в Италии, в 1975 и 1976 годах — в Португалии. Последние годы работал политическим обозревателем АПН.

В. Ермаков — один из авторов книг: «Заговор генералов», «Какая она, Италия?», «Перекрестки португальской революции».

В «Оханку красных гвоздик» вошли некоторые опубликованные ранее очерки, расширенные и переработанные для книги, а также специально написанные главы. К сожалению, В. Ермаков не увидит изданной эту его последнюю книгу, он умер в июле 1978 года.

